

Марина Колесова

Чародейка Книга 3

Возвращение

Марина Колесова

Чародейка. Книга 3. Возвращение

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Колесова М.

Чародейка. Книга 3. Возвращение / М. Колесова — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Продолжение романа о чародейке. Къяра по счастливому стечению обстоятельств получает возможность выбраться из колодца желаний, но полностью теряет память. Сумеет ли она найти свое место в мире, бывшем ей некогда родным, и кем в результате станет?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

Норлан ужинал в своих апартаментах, когда вошедший Кай, доложил, что к стенам обители прилетел дракон и сидит у входа.

– Дракон? – переспросил обилайт, стремительно поднимаясь из-за стола. – Давно прилетел?

– Примерно полчаса назад.

– Почему сразу не доложил мне? – нахмурился Норлан, рывком открывая дверь и выходя в коридор.

– Мы не поверили собственным глазам. Хилтор, первая увидевшая его, подумала, что это наваждение и позвала меня, прося помочь ей найти того, кто позволил себе так развлекаться в обители. Мы с ней проверили ее предположение. Но оказалось, это не наваждение и не мираж. Как только это выяснилось, я пришел доложить.

– Вы оба остолопы. Полчаса держать на пороге Вла... – начал он и осекся, выглянув в окно.

Сидевший у входа в обитель дракон не был Кьярой, хотя бы потому, что был настолько светлой окраски, что на фоне темного вечернего неба казался большим серебристым облаком. Поэтому Норлан, знающий, что цвет для дракона это нечто незыблемое, что они не меняют никогда, озадаченно замер, разглядывая нежданного визитера. Из задумчивости его вывел голос Кая, недоуменно переспросившего:

– Кого мы держим на пороге?

Обилайт обернулся и строго взглянул на сына:

– Владеющее такой мощью существо, что ему нет равных в нашем мире.

– А, – понятиливо кивнул тот, – и что теперь делать?

– Вам всем сидеть в обители и ни при каких обстоятельствах не казать отсюда носа, а я пойду поговорю с ним.

– Хорошо, обилайт, – покорно склонил голову Кай.

Дракон сидел напротив дверей, неотрывно глядя перед собой, и лишь когда за вышедшим обилайтом захлопнулись двери, удивленно вскинул голову. Норлан тут же сделал вывод, что стены обители и распахивающиеся створки дракон не видел. Это значило, что нежданный гость, а может и не гость, а совершенно случайно выбравший это место что бы присесть и отдохнуть дракон обладал не особенно сильным магическим потенциалом, раз не смог проникнуть взглядом сквозь магический барьер, однако расслабляться не стоило в любом случае.

При первом же шаге в его сторону, дракон встал и, немного склонив голову, учтиво проговорил:

– Здравствуй в веках. Мне нужен Норлан, позвать можешь?

Стало ясно, что выбрал он это место не случайно.

– Это я, – Норлан едва заметно кивнул.

Дракон недоверчиво оглядел его, а потом задумчиво пробормотал:

– Что-то забыл я спросить у нее, как ты выглядишь.

– Что тебя убедит, что я именно тот, кого ты ждешь?

– Не знаю... Ладно, будем надеяться, что ты не лжешь и действительно именно тот, кто мне нужен.

– Кто тебя послал ко мне?

– Моя хозяйка.

– Я не вижу на тебе кабалита, – Норлан повел рукой, сканируя пространство.

– Она сняла его, только вряд ли что это изменит... в любом случае мое сердце навеки принадлежит ей.

– И что хочет от меня твоя хозяйка?

– Она просила передать, – дракон протянул ему в лапе медальон в виде сердечка.

У Норлана от неприятных предчувствий засосало под ложечкой:

– Что она хочет, чтобы я сделал с ним?

– Она сказала, ты сам решишь, что делать.

– Это все? – беря медальон из когтистой лапы, тихо спросил он.

– Нет. Она еще просила передать дословно: Лаоны больше нет, но она надеется, что в память о ней ты постарайшься сохранить ее след в этом мире.

– Что?! – не выпуская медальона, Норлан магически сильно сжал лапу дракона.

– Она сказала: ты поймешь. Ты не Норлан что ли? – дракон постарался высвободить лапу и вырвать обратно медальон.

– Я понял о чем! Но это невозможно! Слышишь? Она не могла это сказать! Не могла! Это значит только одно – она умерла! Ты убил ее? – взмахнув свободной рукой, Норлан набросил на дракона магические путы, после чего, прижав к земле, выхватил медальон.

– Я? Ты соображаешь, что говоришь? Да она мне дороже жизни! И вообще с чего ты решил, что это значит, что она умерла? – сдавленно прохрипел тот.

– Сказать это она могла лишь, умирая... Ты оставил ее умирающей?

– Нет.

– Она давно сняла с тебя кабалит?

– Перед тем как к тебе отправить.

– Получается, знала что умрет... – хрипло выдохнул Норлан и, сбросив с дракона магические путы, до боли стиснул руки в кулаки.

– Да невозможно это! Не с чего ей было умирать! Она, правда, была немного бледна, но сказала, что с ней все в порядке и еще сказала, что сняла кабалит из-за того, что хочет мне дать почувствовать вкус свободы, – поднимаясь и недовольно отряхиваясь от налипшего песка, пробормотал дракон. – Не могла она умереть! Ты что-то неправильно понял.

– Хорошо. Забудь, я мог ошибиться. Лучше припомни, что еще она тебе говорила, – у Норлана мелькнула мысль, что это лишь игра, с неизвестной целью затеянная Къярой. Ведь он не почувствовал, чтобы его кабалит потерял свои свойства, а это обязательно должно было произойти, случись что с ней.

– Говорила, что чем я быстрее тебе это передам, тем лучше. И еще говорила, что буря надвигается и будет хорошо, если до ее начала я буду далеко от пещеры.

– Вы с ней в Уртских горах были?

– Да.

– И что, действительно буря надвигалась?

– Похоже было на то, небо стремительно темнело и еще в воздухе запах неприятный плыл... то ли сера, то ли гарь какая... но я долго не приняхивался, сюда спешил. Да, кстати, я ей сказал, чтобы дождалась меня, а она ответила: как получится. Значит, не умирала, а думала, что возможно уйдет, не дождавшись. Вот!

– Да, скорее всего, я поторопился с выводами, – Норлан хмуρο кивнул.

– Тогда я полечу, мне хочется ее застать. Надеюсь, она не ушла. Ты здорово меня напугал. Теперь, пока ее не найду, не успокоюсь.

– Счастливо тебе.

– И тебе того же.

Дракон взмахнул крыльями и, обдав Норлана песчаной пылью, взмыл вверх. Тот проводил его мрачным взглядом, до побелевших суставов сжимая в руке медальон Къяры. Когда же дракон окончательно скрылся в темном ночном небе, то трясущимися пальцами открыл

крышку. Внутри он увидел то, что боялся увидеть. Там сверкала звезда ключа от его кабалита. Стало понятно, что ее уход почувствовать он не мог, и последняя призрачная надежда рухнула. Захлопнув медальон, Норлан вскинул вверх одну руку и запрокинул голову к звездным небесам. На его пальцах заискрилось голубоватое свечение, но быстро погасло. Хрипло вскрикнув, он упал на колени и, рыдая, склонился к земле. Его Лаона действительно покинула этот мир.

– Девочка моя, за что ты так со мной? – хрипло сквозь слезы бормотал он. – На вершине славы, власти... когда весь мир был у твоих ног... и ты только начала жить... Что тебе не хватало? Ведь ты была совершенством! Почему ты решила уйти? Что было не так? Что? Ты устала? Тебе надоело? Что тебе не хватало? Что я недодал тебе? Неужели ты не могла хотя бы поговорить перед этим! Я бы все сделал... я бы жизнь отдал, лишь бы остановить тебя! Ну как ты могла?! Как?!

Через некоторое время он справился с душившими его рыданиями и, поднявшись с колен, вскинул голову к звездному небу:

– Ты вряд ли слышишь меня, моя Лаона, но в любом случае хочу сказать. Ты всегда упрекала меня, что я любил в тебе лишь Владетельницу, и мне самому казалось, что это именно так. Сейчас я понял, что люблю тебя такую, какая ты есть, вне зависимости кем ты являешься... Я безмерно благодарен тебе за то счастье, которое ты дарила мне одним своим присутствием... не говоря уже о счастье, чувствовать твою ответную любовь... и я... я... – голос его сорвался, но он справился с волнением и продолжил: – я принял твое решение. Раз ты ушла, значит, на то у тебя были причины, и я не стану докапываться какие... Если ты не рассказала мне о них, значит не хотела, чтобы я знал... что ж, это твое право. Я уважаю твой выбор и постараюсь выполнить твою просьбу. Твой сын подает большие надежды, и сдается мне, что коли не оставит его благоволение небес, то в будущем он станет твоим достойным наследником. Так что не волнуйся, след твой не должен померкнуть. Я приложу для этого все силы.

Глубоко вздохнув и восстановив ровное дыхание, Норлан отряхнул одежды и, придав лицу бесстрастное выражение, вернулся в обитель.

У ворот его встретил Кай.

– Все в порядке, – кивнул он, отвечая на безмолвный вопрос, читающийся во всем облике сына.

– Я очень рад, отец. Я волновался, – Кай потупился.

Отцом он называл его крайне редко, лишь в минуты предельной откровенности, и Норлан, оценив этот порыв, ласково коснулся его плеча:

– Твои волнения были излишни. Оказалось, что драконы более адекватные существа, чем принято их представлять в легендах. Этот, по крайней мере, был несказанно мил.

– И зачем он прилетал? – не удержался тот от вопроса.

– Тебе не кажется, что ты суешь нос не в свои дела? – тут же сменил тон Норлан.

– Извините, обилайт, я забылся, – моментально склонился перед ним Кай.

– Вот так-то лучше. Иди, и не докучай более, – раздраженно махнув рукой, он развернулся и направился в свои апартаменты. Надо было обдумать ситуацию и выработать план действий.

Маграт развлекался с наложницами и, глядя на их страстные танцы, выбирал какую позвать на ночь в свою спальню. В это время на пороге появился евнух и с поклоном осведомился:

– Владетель, позвольте доложить?

– Говори! – милостиво махнул рукой Маграт. Музыканты тут же смолкли, а наложницы испуганно замерли.

– Пришел Артес и просит Вашей аудиенции. Говорит: дело не терпит отлагательств.

– Ну что там такое безотлагательного могло у него могло случиться? Скажи: завтра с утром с ним поговорю, – кончиками пальцев, Маграт сделал жест, приказывающий евноху удалиться, а наложницам продолжить прерванный танец.

Евнух тут же скрылся, но не прошло и пяти минут, как он вновь вернулся и, упав на пороге ниц, пополз к его ногам.

– Что еще? – раздраженно рявкнул Маграт так, что страхась его гнева, ниц попадали и наложницы, и музыканты.

– О, Владетель, не гневайтесь, – испуганно запричитал евнух, – но Артес говорит: дело касается Владетельницы, и в нем промедление смерти подобно.

– Проклятие! Где он? – встав, Маграт, зло стукнул евноху ногой в плечо. – Почему сразу не сказал в чем дело?

– Простите неразумного раба. Артес внизу, в приемной зале, Владетель, – евнух, повернувшись, попытался поцеловать его туфлю, и тут же, получив еще один удар мыском теперь уже в лицо, уткнулся в пол, выдохнув: – Благодарю, Владетель.

Глядя на скорчившегося у ног евноху, Маграт хотел было приказать охране хорошенько его наказать, но потом решил не терять времени и разобраться с нерадивым слугой позже, когда выяснит что подвигло Артеса столь срочно вызывать его.

Спустившись в приемную залу, он смерил склонившегося перед ним Артеса недобрым взглядом и хмуро проронил:

– Что случилось?

– Вы соизволите сами магический барьер поставить или мне позволите? – не поднимая головы, тихо спросил Артес.

Маграт тут же повел рукой, устанавливая магический занавес по периметру залы, после чего вновь уперся взглядом в Артеса:

– Говори!

Вместо ответа, тот распрямившись на его глазах разомкнул охватывающий его шею кабалит Къяры и подал ему.

– И что это значит? – в голосе Маграта послышалась злость.

– С ней что-то случилось. Я думаю, Вам необходимо постараться найти ее и выяснить что. Возможно, ей нужна помощь.

Маграт взял из его руки витую золотую цепь, так и не изменившую свой внешний вид, и недобро прищурился:

– Что с ней может стать? Только одно: попутешествовать моя дочь решила, а про то, что у кабалитов ограниченный радиус действия забыла. Я, конечно, напому ей об этом, только и тебе подобная демонстрация с рук не сойдет.

– Вы вольны, Владетель, со мной поступить, как Вам только заблагорассудится, только с хозяйкой моей прежде свяжитесь. После того как она Вам скажет, что с ней все в порядке, я готов принять любое Ваше или ее наказание.

– На что ты намекаешь?

– Я не намекаю. Я открыто говорю. У кабалита свойства не ослабли, а полностью пропали. Я не противоборствовал ему. Он мертв.

– Ты хочешь сказать, она не ставила твой кабалит на свертку?

– Нет. И именно поэтому прошу Вас проверить, что с ней.

– Проклятье! До чего же упрямая девчонка! Ей лишь бы поиграть на нервах отца. И ты тоже хорош. Почему раньше не сказал об этом?

– Вы не спрашивали.

– Думаешь, что она погибла, и решил продемонстрировать преданность мне? Надеешься вновь ее место занять?

– Владетель, если она лишь путешествует, то думаю, за данную демонстрацию она сама с меня взыщет, а вот если дело не в этом, то вряд ли уместно терять время на подобные обсуждения. Давайте выясним что случилось, а все остальное – потом.

– Ты никак волнуешься за нее?

– Я принял ее власть. Она хорошая хозяйка, и мне не резон выходить из-под ее руки.

– А ведь это правда, она необыкновенно милостива к тебе. Хотя, мне казалось, что тебе вряд ли достанет ума это оценить. Ан нет, достало. Ладно, уговорил. Проверю.

Маграт вышел на балкон и, глядя в небеса, вскинул вверх руку.

Через некоторое время он опустил ее, и нервно закусив губу, повернулся к Артесу:

– Как давно кабалит потерял свои свойства?

– Непосредственно перед тем, как я пришел доложить. Я не тратил время на размышления.

– Он потерял свойства сразу или постепенно?

– Сразу.

– Ничего не понимаю... – Маграт тяжело вздохнул.

– Вам не удалось с ней связаться?

– Нет. Звезды ведут себя так, словно она и впрямь умерла... Только это невозможно. По определению невозможно. Что ж, придется выяснять, где она и что очередной раз вытворила, другим способом. Пошли.

Свернув свой магический занавес, Маграт решительным шагом направился в свой кабинет и Артес последовал за ним.

В кабинете Владетель Лорена разложил на столе карту и, достав из маленького ящичка мешочек, тонким ровным слоем рассыпал из него по поверхности карты серый порошок. Затем зажав в руке отданную ему Артесом золотую цепочку, бывшую кабалитом, начал водить ей над картой и распевным голосом читать заклятье. Покрывающий карту порошок заискрился голубоватым свечением, и на нем четко обозначилась небольшая извилистая линия, более интенсивная и закрученная в начале и едва проступающая и почти прямая в конце.

– Что это? – заинтересованно глядя на карту, тихо спросил Артес.

– Ее маршрут за несколько последних часов, основанный на ее энергетическом выплеске.

– И где она?

– Судя по карте, она славно развлеклась в Верениге, а потом отправилась в Уртские горы.

И именно там ее след теряется.

– Нам надо туда. Возможно, ей нужна помощь.

– Пожалуй, ты прав. Проведать ее не помешает, – кивнул Маграт и, взмахнув рукой, открыл арку перехода.

Они переместились к входу в пещеру, где некогда обитал дракон Уртов. Было уже темно, но от пещеры исходило легкое голубоватое сияние, позволяющее разглядеть все в мельчайших деталях.

– Ух ты... вот это размеры и вход такой необычный, – Артес озадаченно озирался и разглядывал отвесную площадку перед входом, – только для мага или того, кто летать умеет.

– Именно, – угрюмо подтвердил Маграт, внимательно осматривая глубокие вмятины на каменных плитах и погнутую створку распахнутых ворот.

– Кто-то неудачно приземлился? – проследив за его взглядом, поинтересовался Артес.

– Похоже... и самое интересное, мне даже в голову не приходит, кто бы это мог быть... Даже дракону оставить такие следы не по силам. Как будто каменный голем прошелся... причем летучий. Что думаешь по этому поводу?

Рассматривая глубокие борозды и отбитые куски мрамора, Артес задумчиво пожал плечами:

– Вот Вы о драконах и големах подумали, а мне другой персонаж в голову пришел, хотя это все нереальные персонажи и рассуждать о них – смысла нет. Скорее всего, это имитация следов. Для чего непонятно, но для чего-то потребовалось. Вы ведь тоже, например, усердно поддерживаете миф о том, что Вашей дочери удалось приручить дракона. Может, и здесь что-то из этой серии.

Он кивнул на следы огромных лап, отпечатавшиеся на ковре, тянущемся вглубь пещеры.

– Если нарочно сделать такие с помощью магии, то должно остаться магическое возмущение, например, структуры камня. Ты его где-нибудь здесь чувствуешь? – Маграт приложил руку к разлому на стене.

Артес последовал его примеру:

– Нет. Не чувствую.

– Вот и я тоже. Моя дочь, конечно, очень умелая чародейка, но все-таки не настолько, чтобы подобные фальсификации устраивать. Да и незачем они ей... Ладно, рассказывай, какой мифологический персонаж вспомнил.

– Крагонверга.

– А ведь похоже... Проклятье... – Маграт в ужасе прижал пальцы к вискам. – Неужели она решилась вызвать его?! – потом тряхнул головой, отгоняя дурную мысль. – Нет! Она не настолько неразумна, да и незачем ей это было... А вот если это сделал кто-то другой... Кто-то в Вериниге... Там многие маги поклоняются ему, черпая в этом силы. Да! Похоже на то. Кто-то вызвал, а она узнала и решила вмешаться. Вот это на нее очень похоже... Остается вопрос: чем закончилась их схватка и где они теперь...

– Владетель, Вам не кажется, что версия абсолютно нереальна? Я, конечно, согласен поддержать любую Вашу былинку о ее геройствах, но Вы, по-моему, перешли разумную грань. Если в легенду о приручении ею дракона многие поверили, то сомневаюсь, что в этот бред поверит хоть кто-то.

– Мне плевать, что тебе кажется реальным, а что нет! – глаза Маграта злобно сверкнули. – Сейчас не время для дискуссий! В данный момент мне необходимо найти мою дочь, и чем быстрее, тем лучше, причем искать надо очень осторожно. Хоть и маловероятно, что темный демон еще здесь, но сбрасывать со счетов такую вероятность не стоит... И запомни, попытайся сейчас хоть в чем-то проявить самостоятельность – в порошок сотру... Понял?

– Да, Владетель. Понял. Вы абсолютно правы. Сейчас главное – найти ее.

Удовлетворенно кивнув, Маграт шагнул внутрь пещеры и пошел вперед, ориентируясь на следы на ковре и повреждения пола и стен. Артес молча шел сзади, с удивлением рассматривая богатое убранство пещеры и недоумевая, кому понадобилось создавать внутри горы дворец таких внушительных размеров.

Огромные коридоры были пустынные, и дворец казался заброшенным и давно необитаемым. Чем дальше они отдалялись от входа, тем тусклее становился струящийся с потолка мягкий свет, более пыльными казались ковры под ногами и громадные позолоченные резные колонны были сильнее покрыты паутиной и патиной. Артес стал заинтересованно разглядывать, что является источником мягкого голубоватого свечения и почему его интенсивность меняется. Вскоре поняв, что потолочные карнизы, состоят из люминесцентного мха, он вскинул вверх руку, желая проверить догадку, что при потоке магии освещенность увеличится. Тут же, подтверждая ее, пространство вокруг озарилось ярким светом.

Идущий впереди Маграт молниеносно отпрыгнул к стене, взмахом руки установил над ними блок невидимости и стал напряженно оглядываться по сторонам.

– Извините, Владетель. Это я сделал, – Артес смущенно потупился. – Решил проверить, как освещение здесь работает.

– Совсем с головой не дружишь, что развлекаться здесь вздумал? Не понимаешь, что подобные игры могут тебе стоить именно ее?

Тон Владетеля не предвещал ничего хорошего, и Артес поспешно склонился перед ним.

– Подобное больше не повторится.

– Надеюсь, потому что на твоих плечах она мне нравится несколько больше, чем отдельно от оных.

Владетель вскинул руку, вытягивая магию из успевшего хорошо подзарядиться мха и возвращая его к исходному состоянию. После чего они двинулись дальше.

Они шли довольно долго и наконец, подошли к засыпанному обломками тупику, в середине которого зияла выбоина в стене, заканчивающаяся небольшой нишей.

– Ничего не пойму, – тихо пробормотал Маграт, осторожно приближаясь к нише, а потом взгляд его на пол внутри нее, и он, скривившись как от зубной боли, отшатнулся в сторону.

– Что случилось, Владетель? – метнулся к нему Артес.

Но тот предостерегающе вытянул руку, а потом отвернулся к стене и уперся в нее ладонями и лбом, словно пытался сдвинуть ее с места. Плечи его мелко подрагивали. Артес, покорно отступив, замер в отдалении, наблюдая за ним. Он ничего не понимал в происходящем, но чувствовал, что отвлекать Владетеля не следует.

Некоторое время прошло в напряженном молчании. Артес ждал. Наконец, Владетель медленно опустил руки. И в это время в тупике ярко вспыхнул свет.

– Опять? – гаркнул Владетель, резко поворачиваясь.

– Это не я, – пробормотал Артес и, заметив, что взгляд Владетеля замер на чем-то позади него, медленно обернулся.

В конце коридора стоял большой серебристо-серый дракон. Артес потряс головой, отгоняя видение. Но видение не исчезло, напротив раздраженным и громким голосом спросило:

– Кто вы и что здесь делаете?

– Здравствуй в веках, – тут же откликнулся из-за спины Артеса Маграт и, сделав знак, приказывающий ему молчать, шагнул навстречу дракону.

– И тебе здравствовать. Но ты не ответил, кто ты и что делаешь здесь, – дракон раздраженно фыркнул.

– Я ищу свою дочь – Къяру. Я – Владетель Лорена и ее отец.

– Ты ее отец? – голова дракона склонилась чуть вбок, и он принялся внимательно разглядывать Маграта. – А она не говорила ничего о тебе.

– Ты, наверное, не спрашивал, вот она и не говорила, – тут же откликнулся тот. – Зато мне она о тебе много чего рассказывала.

– И что, например?

– Например, что любит тебя...

– Надо же, – дракон польщено улыбнулся. – А что еще говорила?

Маграт осторожно повел рукой, и указал на сверкнувшее на шее дракона бриллиантовое кольцо:

– Что в знак любви подарила тебе это кольцо... – после чего, поняв кто перед ним и заметив, что кабалита на шее драконе нет, добавил: – и что кабалит с тебя сняла.

– Она только сегодня его сняла... – озадаченно поправил его дракон. – Ты разговаривал с ней после этого?

– Нет, мы разговаривали с ней пару дней назад, и она сказала, что хочет его снять. А так как слово и дело у нее не расходятся, то для меня ее слово равнозначно уже выполненному действию.

– Понятно, – дракон кивнул. – А почему ты ее ищешь? И вообще что здесь случилось? Кто здесь все порушил?

– Ты слышал что-нибудь о Крагонверге?

– Нет, – дракон отрицательно качнул головой. – А кто это?

– Злобное и достаточно жестокое существо.

– Я не встречался с ним.

– А вот дочь моя, похоже, повстречалась... и именно здесь начала с ним сражение, – Маграт кивнул на пролом в стене.

– И кто выиграл бой? – дракон нервно сглотнул и сделал шаг навстречу Маграту. – И вообще где они?

– Насколько я понимаю, моя дочь открыла здесь арку перемещений и перенеслась в другое место, где этот бой и закончила. Я сейчас сканировал пространство, надеюсь отыскать ее и если надо, помочь.

– Нашел?

– Мне кажется, да.

– Возьми меня с собой. Я тоже хочу ей помочь.

– Ты умеешь открывать арку перемещений?

– Нет, у меня не хватает пока магической мощи, но Къяра говорила, что со временем я обязательно смогу.

– Тогда пока не получится тебе пойти с нами. Мой переход вряд ли тебя выдержит. Но давай договоримся так: ты нас жди здесь и никуда не уходи из пещеры. А мы, как только найдем ее, вернемся сюда и сообщим тебе координаты, или я его лучше пришлю, – Маграт указал на Артеса, – он тебе передаст, где она, а я тем временем ей в сражении помогу.

– Это очень хорошая идея. Я буду ждать. А вы идите скорей.

– Обещаешь, что ждать будешь? А то вдруг я его пошлю, – Маграт вновь кивнул на Артеса, – а тебя и след простыл. Получится он вместо того, чтобы в бою помочь, зазря туда – сюда промотается.

– Клянусь, я никуда не уйду из пещеры, и обязательно его дождусь.

– Вот и хорошо! – Маграт взмахнул рукой, открывая арку переходов, и поманив за собой Артеса, исчез в ней.

Арка переходов переместила их вновь в кабинет Владетеля. Выйдя из нее, Маграт прошел к стоящему в отдалении мягкому креслу и тяжело опустился в него, махнув рукой Артесу:

– Иди, мне все обдумать надо. Будешь нужен, позову.

– Но, Владетель, – Артес недоуменно воззрился на него. – А как же поиски Владетельницы? Вы же сами сказали, что ей в сражении нужно помочь...

– Ей уже ничто не поможет, – хмуро проронил Владетель, – моя девочка увела с собой Крагонверга туда, откуда или возвращаются сразу или не возвращаются никогда...

– Я не понимаю...

– Не вернется она, Артес... не вернется... Кстати, – он резко поднялся и, достав из ящика стола кабалит, протянул ему: – Сам наденешь или заставлять надо?

– Я, конечно, надену, – Артес взял из его рук кабалит. – Но с чего Вы вдруг решили, что все именно так? Ведь дракону-то Вы другое сказали...

– Дракону я сказал то, что было необходимо сказать. Мне не нужен дракон, безнадзорно шастающий в моих владениях.

– Вы хотите, чтобы он умер в ожидании моего появления?

– Я пока ничего не хочу, кроме того, чтобы ты надел этот кабалит и оставил меня, дав возможность все спокойно обдумать! – в голосе Владетеля послышалась нескрываемая злость.

Сочтя за благо больше его не раздражать, Артес молча надел на шею кабалит и, резко дернув, затянул. От сильной боли сразу потемнело в глазах, и он, застонав, осел на пол. Владелец тут же вытянул руку, вводя свое поддерживающее воздействие и снимая последствия ударной волны кабалита, после чего, дождавшись, чтобы Артес поднялся и, поцеловав его руку, произнес стандартный зарок, повторил:

– Оставь меня. Будешь нужен, позову.

Артес отступил к дверям, но на пороге замер и обернулся:

– Владелец, а Вы действительно уверены, что Владетельница... – он нервно облизнул губы, – Владетельница...

– Артес, вот чего ты добиваешься? – Владелец резко поднялся с кресла, лицо его исказилось от гнева. – Хочешь услышать от меня, что она умерла? Так слушай: она мертва! Мертва! Доволен? Я спрашиваю: теперь ты доволен?!

Артес повалился на колени: – Я надеялся услышать другой ответ, Владетель, – срывающимся голосом проговорил он. – Сейчас Вы можете чувствовать, лгу ли я, и скажу Вам: я пришел лишь с одной целью – помочь ей, и у меня до сих пор в голове не укладывается, что все уже свершилось, и мы бессильны хоть что-то изменить. Я не хочу в это верить!

– Но, к сожалению, придется, – тут же сбавил тон Владетель, и вновь медленно опустился в кресло. – Мне невыносимо больно тебе это говорить, но я уверен в том, что она оставила наш мир... К моей безграничной скорби это ужасающая реальность, с которой придется смириться.

Пальцы его нервно вцепились в подлокотники кресла, и он, закусив губы, откинул голову на высокую спинку кресла, явно борясь со слезами.

– Но почему Вы столь уверены в этом? Что такого Вы увидели там?

Владелец тяжело вздохнул, и так долго молчал, что Артес уже и не надеялся на ответ, когда тот тихо заговорил:

– Когда они встретились в том тупике, она едва стояла на ногах, вымотанная боем с ним, и желала, как я понимаю, только одного: завлечь его в ловушку, из которой нет выхода. Ей это удалось. Не имея возможности убить, она затащила его в колодец желаний и пожелала, чтобы он не вышел оттуда никогда, заплатив за это жизнью.

– Колодцы желаний существуют? Я не верил этому никогда.

– Ты и в драконов не верил, однако они есть, и ты самолично мог в этом убедиться, – Владетель вновь тяжело вздохнул и отвернулся. Некоторое время прошло в молчании, потом он глухо проговорил: – Все, оставь меня! – но когда Артес, поднявшись с колен, направился к двери, вновь окликнул: – Подожди! Запомни: о том, что ее больше нет, никто не должен знать! Поклянись!

– Клянусь! От меня об этом не узнает никто, – он клятвенно вскинул руку.

– Иди, но помни: проговоришься, пожалеешь, что родился на свет, – напутствовал его Владетель.

– Я буду помнить, – кивнул Артес и вышел.

Войдя к себе в апартаменты, Артес подошел к окну и распахнул створки. Когда-то давно он мечтал о том, чтобы случилось именно то, что произошло... Однако сейчас он не то, что радости не испытывал, а наоборот внутри все рвалось от боли. Та, которую он вечно упрекал в недостойном поведении, на деле повела себя так, как настоящая сказочная героиня. Истинная правительница, которой благоденствие своего владения дороже собственной жизни. Он считал, что таких не бывает, они лишь вымысел, а до нее было рукой подать, только он поздно разглядел. И теперь ее больше никогда не окажется рядом.

Ночной ветер дохнул прохладой, и Артес, подставив ему пылающее лицо, поднял глаза к звездам. На душе было настолько паршиво, что хотелось кричать, вопрошая небеса, как могла

произойти такая вопиющая несправедливость, рыдать и проклинать все на свете. Но понимание, что все это тщетно, жесткой рукой сжало горло, лишив голоса и слез.

Он не знал, сколько времени он простоял вот так у распахнутого окна. Время замерло для него, перед глазами плыли картины его с Къярой общения, когда она в образе феи, поддерживала его. Из этого состояния его вывел тихий оклик:

– Учитель...

Артес резко обернулся. На пороге стояла Инга, в тонком шелковом халате, нервно сжимая что-то в руках. В глазах ее сверкали слезы.

– Вы почему здесь и в таком виде, принцесса? Что случилось? – недоуменно воззрился он на нее.

– Я не виновата, я не нарочно, правда, учитель... Я даже не знаю, как это произошло, простите меня, пожалуйста... – она всхлипнула и, прижав руки к груди, закусила губы. Было заметно, что она изо всех сил старается не расплакаться.

Инга всегда у него вызывала двойственные чувства. С одной стороны запуганная им и столь нелюбимая Владетелем золотоволосая красавица, внешне так походившая на сестру, вызывала у него чувство жалости, а с другой ее неприспособленность, неумелость, леность и постоянные стенания по любому поводу – жуткое раздражение.

– Четко объяснить можете, что произошло?

– Оно порвалось, – Инга шагнула к нему и протянула дрожащими руками золотое кольцо с изумрудными подвесками. – Я лишь причесывалась и зацепила его расческой... Вы накажите меня теперь?

Она с таким страхом смотрела на него, что Артесу стало не по себе. До чего же он запугал ее, а ведь Къяра просила его не быть с ней излишне жестоким.

– Нет, – тяжело вздохнув, качнул он головой, потом взял из ее рук кольцо, осторожно надел ей на шею и магически закрепил порванное звено. – Все, идите. Поздно уже, Вам давно пора спать.

– Я действительно не нарочно, – Инга не сводила с него испуганного взгляда. – Я и заделало несильно его... а оно сразу упало...

– Я понял. Идите, принцесса.

– Вы расскажите Владетелю?

– Нет, не расскажу. Идите.

– А Къяре?

Услышав этот вопрос, Артес вздрогнул, нервно сглотнул, но быстро взял себя в руки и бесстрастно проговорил:

– Не расскажу. Идите.

– А ей, наверное, надо рассказать. Это же ее кабалит. И потом она вряд ли ругаться на меня будет, если узнает, что я не нарочно и что я сразу к Вам пришла. Вы ведь скажите ей, учитель, что я к Вам сразу пришла?

Эти слова вызвали в душе новую волну эмоций и, почувствовав, что может не сдержаться, Артес повысил голос:

– Инга, идите к себе! Завтра поговорим!

– Вы хотите наказать меня завтра? – в ее глазах вновь блеснули слезы.

– Нет. Хотя должен Вам сказать, что Вы выбрали не самое удачное время для обсуждения этого вопроса, да и одеты Вы абсолютно ненадлежащим образом для того, чтобы являться ко мне, – он рукой указал на ее тонкий полупрозрачный шелковый халат, абсолютно не скрывающий все достоинства ее фигуры.

Щеки Инги тут же запыхтели:

– Извините, учитель. Я не подумала. Я уже ложилась... ну когда это случилось... и не сообразила, что надо переодеться, прежде чем идти к Вам. Простите. Мне очень стыдно, – она постаралась плотнее запахнуть полы халата.

Ее стыд смутил и его:

– Ладно, ничего страшного. Я не сержусь и наказывать Вас не собираюсь. Идите спать.

– Я Вам так благодарна, учитель, – из глаз ее, наконец, исчезло выражение страха, а лицо озарила нежная улыбка.

На мгновение она стала столь похожа на сестру, что Артес, не сдержавшись, скривился как от сильной зубной боли и резко отвернулся к окну.

– Вам плохо, учитель? – Инга шагнула к нему и осторожно коснулась плеча. – Я могу Вам чем-то помочь?

– Со мной все в порядке. Идите, принцесса, – не оборачиваясь, хрипло ответил Артес.

– У Вас какие-то неприятности? Ну да, конечно... уже далеко за полночь, а Вы и не ложились. Что случилось? У Вас неприятности с Владетелем? Скажите. Я могу поговорить с Кьярой, чтобы она повлияла на него, она последнее время достаточно благосклонна ко мне. Да и к Вам, насколько я знаю, она очень благоволит.

Ее слова рвали душу, и Артес не сдержавшись, обернулся и, жестко схватив свою ученицу за плечи, с силой тряхнул:

– Замолчи, Инга! Замолчи сейчас же!

– Что я такого сказала? Почему Вы так на меня кричите? Я же только помочь хотела, – по щекам ее потекли слезы, а в глазах плескалась обида и непонимание.

– Извините, принцесса, – поняв, что сорвался абсолютно не по делу, он разжал руки и осторожно пальцем стер слезы с ее щек: – не надо плакать... я просто привык решать все проблемы исключительно сам... поэтому не сдержался. Не обижайтесь.

– Вы рассердились, что я догадалась о них? – она осторожно кончиками пальцев коснулась его плеча. – Вы не хотите, чтобы кто-то знал о них?

– Ну вроде того, – Артес едва заметно кивнул.

– Вы зря стараетесь все скрыть, на душе всегда становится легче, если есть с кем поделиться. Даже если просто высказаться, и то легче становится. Вы не держите это в себе. Расскажите. Я обещаю, что никому-никому об этом не скажу. Даже Кьяре. Клянусь! – она клятвенно вскинула руку.

Его тронула неискренность и благородный душевный порыв ученицы, который, несмотря на всю его наивность, не оценить он не мог.

– Благодарю Вас, – он едва заметно улыбнулся, – мне приятно, что мои проблемы показались Вам достойными Вашего внимания. Однако поверьте мне, они не стоят того. Идите к себе. Уже поздно и пора спать.

– Вы считаете меня маленькой девочкой? Маленькой, несмотря на то, что я ровесница Кьяры? Ведь ей бы Вы так ни за что не сказали! Я что, намного глупее ее, что Вы ведете себя со мной подобным образом? Почему Вы считаете меня глупой? – в голосе Инги зазвучали истерические нотки.

В первый момент Артесу захотелось схватить ее и наказать так, чтобы вспомнила, как положено с ним себя вести, но он сдержался. Помолчал немного, а потом тихим и бесстрастным голосом произнес:

– Ваше поведение, принцесса, мягко сказать, меня удивляет. Вы не цените доброе отношение и не реагируете на учтивые просьбы. И даже напротив... в ответ на это Вы начинаете предъявлять абсолютно необоснованные претензии. Вам не кажется это странным? Я начинаю думать, что выбрал с вами неправильную манеру поведения, и ее стоит пересмотреть. Вам, вероятно, более по душе жесткий и строгий контроль, какой был ранее. По крайней мере, тогда Вы не допускали подобных высказываний и обвинений в мой адрес.

– Учитель, – Инга схватила его за руки, искательно заглядывая в глаза, – не думайте так. Я ценю, очень ценю Ваше доброе ко мне отношение. Вы действительно последнее время были очень снисходительны ко мне, – она нервно сглотнула. – Я, конечно же, сказала глупость, простите. Мне просто очень хотелось помочь Вам... и именно из-за того, что я... я... – кончиком языка она облизнула пересохшие от волнения губы, – понимаете... Вы стали... стали мне небезразличны.

Выдохнув последнее слово, она зарделась и потупилась.

В любое другое время после подобных слов Артес выставил бы ее за дверь, даже не задумываясь, но сейчас боль от потери Къяры сделала его более восприимчивым к чужим чувствам. Поэтому, стремясь не обидеть ее сестру, он осторожно обнял ее за плечи.

– Я понимаю, принцесса, Ваши чувства. И мне они, конечно же, льстят, но поверьте, они основаны лишь на постоянном навязанном Вам общении со мной. Как только у Вас появится возможность освободиться от моего контроля, Ваши чувства растают без следа. Поэтому не стоит придавать им большое значение, и делать какие бы то ни было необдуманные шаги. Давайте договоримся, принцесса: Вы мне ничего не говорили и я ничего не слышал.

– Ну уж нет, Артес! – она вскинула на него глаза, и он не узнал свою ученицу. Весь ее облик был полон решимости, а во взгляде читалась готовность к борьбе. – Я не позволю Вам так отмахнуться от меня, словно я ничего не соображающий ребенок. Вы сейчас четко и ясно ответите, как Вы относитесь ко мне. Я хочу услышать правду, а не подобные отговорки.

Боевой настрой до невозможности преобразил ее, и сходство с сестрой стало настолько близким, что подумавший о том, что больше никогда не увидит Къяру, Артес, отведя взгляд в сторону, мгновенно осевшим голосом, хрипло проговорил:

– Я Ваш учитель, принцесса, и мой статус не позволяет мне относиться к Вам никак иначе, чем как к моей ученице.

– Так вот в чем дело, – Инга по-своему трактовала его замешательство. – Вы боитесь сестры. Но, поверьте мне, она не безжалостный изверг, каким ее считают все придворные. Она совсем не такая! Она лишь делает вид! В душе она совсем иная и способна понять чужие чувства. Она ничего не сделает с Вами, особенно если будет знать, что это было мое желание. Она обещала мне, что я получу в женихи любого, кого выберу. Так вот, я выбрала Вас. И сама скажу ей об этом, – она решительно подалась вперед и, обняв Артеса руками за шею, страстно прижалась всем телом.

Не ожидавший от нее подобного Артес, попытался осторожно отстраниться и перехватить ее руки:

– Принцесса, Вы совершаете явно необдуманный поступок, о котором впоследствии будете сожалеть.

– Не буду жалеть! – Инга противясь его попытке высвободиться из ее объятий, усилила хват, прижимаясь к нему все крепче и крепче, и страстно шепча: – Артес, я обещаю... обещаю... я все объясню Къяре, она любит меня и пойдет мне на встречу... я хочу, чтобы ты стал моим мужем... не отказывай мне. Ну послушайся хоть раз не разума, а сердца. Не скрывай своих чувств: скажи, что любишь меня!

Задыхаясь в ее объятиях, Артес понимал, что сердце подсказывает ему несколько иное, но упоминание о том, что Къяра обещала Инге выдать ее замуж по ее выбору, сковали язык. В голове возникла мысль, что хотя бы так он может почтить ее память и, перестав сопротивляться, он сам крепко обнял Ингу и выдохнул ей в ухо:

– Конечно, люблю.

В голове крутилось продолжение фразы: «ведь ты ее сестра, ее копия, которую любила она, поэтому разве можно тебя не любить», но он не стал произносить его вслух.

– Как же я счастлива, я так ждала этого твоего признания, – откликнулась она, и тут же вывернувшись из его объятий, резко отстранилась.

Артес на мгновение замер и удивленно посмотрел на нее, ожидая, что последует дальше. В голове тут же привычно начали прокручиваться возможные дальнейшие действия, на случай если это была провокация с ее стороны.

А Инга тем временем решительным движением скинула с себя халат и, шагнув к нему, заглянула в глаза:

– Ты что так побледнел?

– Ты прекрасна, – только и нашелся, что сказать Артес, судорожно сглатывая и теряя самообладание от мыслей, что вероятно видит очень похожую копию великолепного тела Кьяры.

– Я рада, что ты так считаешь, – лукаво улыбнулась она и принялась расстегивать пряжки на его одеянии.

Под утро, когда утомленная его страстными ласками Инга уснула в его постели, Артес, осторожно укрыв ее, поднялся и, надев халат, подошел к распахнутому окну. Восходящее солнце яркими красками уже окрасило горизонт, и веселая песнь зорянки, встречающей рассвет, предвещала хороший день.

Артес задумчиво смотрел вдаль. Ночь, проведенная в объятиях сестры Владетельницы, притупила боль в душе от ее потери, осталась лишь светлая печаль и так и невысказанная ей благодарность. В голове роился клубок мыслей.

«Первый день без нее... и ничего не изменилось в мире... будто ее и вовсе не было. Хотя если б не было, то вот тогда, возможно все бы и изменилось, а ее смерть подарила возможность всем живущим радоваться неизменному миру... – Артес знал, что Крагонверг мог изменить мир до неузнаваемости, превратив его в руины и хаос. – Хотя, судя по тому, что Владетель хочет скрыть факт ее смерти, этот ее дар останется незамеченным. Остается надеяться, что он, скорее всего, заготовил ей другие лавры, и память о ней в любом случае будет жить в веках. Память – это единственное, чем теперь можно хоть как-то отблагодарить за все, свершенное ею». Артес грустно улыбнулся.

В это время дверь спальни распахнулась, и на пороге показался Владетель:

– Это хорошо, что ты уже встал, – хмуро проронил он, входя и набрасывая по периметру магический занавес. – Нам надо кое-что обсудить.

– Здравствуй в веках, Владетель, – Артес почтительно поклонился. – Я к Вашим услугам. Только покорнейше прошу дать мне пару минут, чтобы одеться, и избрать для обсуждения другое место. Я здесь не один.

Владетель резко обернулся к кровати, на которой, натягивая на себя одеяло, испуганно сжалась, проснувшаяся Инга, и усмешка скривила его губы:

– А ты, Артес, отдать тебе должное, умен... Умен... Мне даже в голову не пришло, что ты сможешь так быстро все просчитать... Хотя что здесь просчитывать, вариант-то один, и ты был бы круглым идиотом, если бы не воспользовался тем, что у тебя абсолютная власть над ней была. Ладно, это даже к лучшему. Ты полностью меня устраиваешь в качестве отца ее ребенка. Только будь уж любезен: помягче с ней до его рождения. Мне нужен здоровый наследник и как можно скорей.

После чего он повернулся к дочери и, вытянув руку, потоком магии изменил ей цвет волос, после чего хмуро проговорил:

– Отныне у тебя имя сестры и ты – Владетельница, но если попытаешься хоть раз пойти против моей воли или недолжным образом поведешь себя, то до рождения ребенка в темнице запру, а потом разберусь по всей строгости. Поняла? Или еще объяснить что-то?

– Владетель, что Вы говорите... Зачем это? Почему? Что с Кьярой? – непонимающе и взволнованно залепетала Инга.

– Я что непонятно объяснил? Теперь ты – Къяра. Другой я не знаю! И хватит об этом! Чтоб больше ни слова от тебя по этому поводу не слышал! – раздраженно прикрикнул на нее Владетель, и она, в испуге зажав ладонями рот, тихо заплакала.

– Тьфу, видеть не могу подобное, – Владетель раздраженно скривился и повернулся к Артесу: – Уйми ее, а потом подготовь с ней к завтраку сценарий, по которому она, вернувшаяся после долгого отсутствия, вновь приближает тебя к себе, а какую-нибудь девку, на которую ты набросишь ее прошлую личину, за изобличенное прегрешение отправляет на плаху.

– Может быть, Вы позволите вместо плахи в темницу заточить? – осторожно спросил Артес, понимающий, как тяжело Инге будет озвучить подобный приказ для абсолютно безвинной жертвы инсценировки.

– Хорошо, пусть для начала в темницу отправит. А дальше посмотрим... Только повод получше подбери, за который не грех и головы лишить.

– Слушаюсь, Владетель. Я постараюсь все исполнить лучшим образом.

– Старайся, старайся... особенно, чтобы подобных сцен больше не наблюдалось, – Владетель, направляясь к двери, кивнул на все еще всхлипывающую дочь. – Палку, конечно, не сильно перегибай, как я уже сказал, помягче постарайся, чтобы на здоровье это ее не сказалось, но внуши предельно четко и ясно, что подобное поведение для нее недопустимо.

– Будет исполнено, Владетель, – склонился перед ним Артес, и тот, удовлетворенно кивнув, снял свой магический занавес и вышел.

Как только дверь за ним закрылась, Инга, перестав сдерживаться, разрыдалась:

– Она умерла... поэтому и колье упало, и ты знал это... знал... и не сказал мне... – сквозь слезы причитала она, – теперь я осталась совсем одна.

– Ты не одна, ты со мной, – Артес сел на край кровати и, притянув к себе рыдающую девушку, нежно обнял.

– Тебе нужно лишь одно – чтобы я забеременела...

– Насколько ты помнишь, это не я позвал тебя. Ты пришла сама. Я бы даже не коснулся тебя, если бы ты не захотела.

– Почему ты мне сразу не сказал про Къяру?

Нежно глядя ее по плечу, Артес некоторое время молчал, потом тихо проговорил:

– Если б ты призналась мне в своих чувствах после того, как я тебе сказал об этом, я бы тебе не поверил... Подумал бы, что ты говоришь это из чувства самосохранения, а теперь я знаю, что это не так.

– Так ты хотел удостовериться в моих чувствах?

– Да.

– Зачем?

– Мне хотелось быть уверенным, что рядом со мной ты будешь счастлива.

– А если бы я вчера не призналась? Что было бы если бы я вчера ушла, как ты того требовал?

– Я бы остался лишь твоим учителем, и Владетель сам бы нашел того, кто стал бы отцом твоего ребенка. Скорее всего, это был бы Сарес. Кроме того, что он один из официальных мужей Къяры, он еще и достаточно могущественный маг, поэтому у ребенка были бы хорошие шансы унаследовать высокий магический потенциал.

– О, нет... мне даже думать о таком тошно... – отстранившись, Инга раздраженно скривилась, слезы в ее глазах моментально высохли. – Какое же все-таки счастье, что я вчера тебя не послушалась.

– Однако смею надеяться, Владетельница, Вы понимаете, что в дальнейшем подобное Ваше неповиновение вряд ли закончится для Вас столь же благополучно, – Артес испытующе посмотрел на нее.

– Хочешь намекнуть, что ни титул, ни чувства не помешают тебе наказать меня, если я вздумаю тебе противиться?

– Чувства наоборот, даже помогут, потому что я желаю видеть Вас, Владетельница, в здравии еще долгие годы. А это возможно лишь при Вашем беспрекословном повиновении. А титул... Вы сами знаете, Владетельница, чего стоит Ваш титул... он больше накладывает обязательств на Вас, нежели на меня...

– Да, знаю, учитель.

– Я думаю, это обращение Вам стоит забыть, Владетельница, и Вы совершенно свободно можете обращаться ко мне на ты и по имени. Мне очень понравилось подобное обращение, особенно этой ночью, – он лукаво подмигнул ей.

– Правда? – ее глаза радостно блеснули.

– Во-первых, какой резон мне лгать, а во-вторых, лгать Владетельнице – преступно.

На лице ее заиграла улыбка, но ненадолго, буквально через мгновение она схватила его за руку и порывисто прижалась к нему:

– Мне так страшно, Артес. Ты даже не представляешь, как мне страшно.

Осторожно обняв, он стал ласково гладить ее по голове: – Не бойся, не надо. Я рядом, и вместе у нас все получится. Если ты, конечно, слушаться меня будешь.

– Буду, конечно же, буду. Куда я денусь, – тихо проговорила она, доверчиво уткнувшись в его плечо.

Как только Торесу доложили о том, что каменное чудовище вместе с неизвестно откуда взявшимся драконом покинули берега Вериниги, он вместе с отрядом охраны вернулся во дворец. Разрушений было не очень много, но размеры проломов в стенах потрясали. Стало понятно, что от полного уничтожения и дворец, и город, да и всю Веринигу спасло лишь то, что битва монстров была недолгой, и они быстро улетели.

Тщательно обследуя дворец и прилегающие территории, Торес искал Синтию. Она нужна была ему не только ради того, чтобы насладиться мстостью, хотя и это желание переполняло правителя Вериниги. Она была ему нужна, чтобы поняв, что было в ее предсказаниях ложью, разобраться в происходящем.

В поисках его сопровождали два наемных мага, которым он пообещал хорошо заплатить, если они помогут ему найти и нейтрализовать беглянку. Один был худой и высокий хмурый молчун, привыкший взвешивать каждое слово, а второй напротив – приземистый и коренастый улыбчивый говорун. При этом оба мага были неразлучны и именовали себя названными братьями. У многих это вызывало недоумение, но Торес, часто пользующийся их услугами, уже привык воспринимать их, как нечто единое.

Нашли они ее в подземном святилище, полуразрушенном выходящим Крагонвергом, где она, поливая его пьедестал кровью и творя заклинания, пыталась наладить с ним связь и либо привлечь обратно, либо подпитаться его энергетикой.

Увидев их, она вскочила, намереваясь сбежать, но видя, что бежать некуда – у выхода охрана, испуганно забилась в угол, пытаясь установить вокруг себя непреодолимый барьер, под прикрытием которого она могла бы ускользнуть и скрыться. Но маги, сопровождающие Тореса, одновременно взмахнули руками и сбили ее защиту. Поняв, что сопротивление бесполезно, она, безвольно опустив руки, вжалась в стену.

Торес, торжествующе усмехаясь, шагнул к ней и бросил к ее ногам кабалит:

– Надевай!

Скуля от страха, Синтия опустилась на колени, подобрала кабалит и, надев на шею рывком затянула. После чего повалилась и, хрипло закричав, стала конвульсивно биться и кататься по полу.

Торес с удовольствием наблюдал за мучениями вновь ставшей ему подвластной колдуньи. А когда она затихла и замерла, склонился над ней и за волосы рывком запрокинул ее голову, заглядывая в глаза:

– Это только начало, ты даже представить себе не можешь какие изощренные пытки тебя ждут, тварь.

– Не надо, молю Вас, пощадите, повелитель... я все сделаю, чтобы заслужить Ваше прощение, – тут же хриплым и срывающимся голосом начала просить Синтия.

– Ну надо или не надо буду решать лишь я, – зло рассмеялся в ответ он, – а тебе остается лишь стараться... очень стараться заслужить если не прощение, то хотя бы мою милость...

– Я буду... буду стараться, повелитель... любой Ваш приказ... клянусь.

– Я теперь знаю, что стоят твои клятвы, так что не утруждайся. Лучше ответь: зачем тебе понадобилось вызывать Крагонверга?

– Исключительно для того, чтобы не дать дочери Маграта захватить Веринигу. Я не хотела причинить Вам вред. То, что произошло, это только из-за того, что я не рассчитала мощи Крагонверга и не ожидала, что он окажется абсолютно неуправляем. Я просто испугалась и уже плохо соображала, что говорю... мне хотелось отвлечь его и не более.

Торес со злостью отшвырнул ее от себя и повернулся к магам:

– Лжет?

– Несомненно, у нее такой нервный энергетический выплеск, что двух мнений быть не может: она очень боится и скрывает истину, – тут же закивал толстячок и повернулся к напарнику: – Согласись, когда говорят правду, посыл идет прямой и без искажений поля.

Тот хмурым взглядом окинул скорчившуюся на полу колдунью и проронил:

– Лжет.

Торес повернулся к охране:

– Палача сюда и пусть все необходимое для допроса принесет, – после чего презрительно скривившись, едва слышно процедил сквозь зубы: – Не хочу больше даже касаться этой твари... противно руки марать.

– Не надо палача... я больше ни словечка не солгу... – Синтия подползла к его ногам и, рыдая, уткнулась в них. – Я вызвала Крагонверга в надежде вырваться из-под Вашей руки... но я и правда не рассчитала его мощи и неуправляемости... я надеялась договориться с ним...

– То, что ты показала мне, было фальсификацией?

– Не совсем... сами картины действительно были фальшивы, но я основывала их на реальных событиях! Я знала, что к берегам Вериниги идут корабли Гирмонта, и их будет прикрывать дочь Маграта, которая была где-то уже совсем близко, но не на кораблях.

– Она прикрывала корабли Гирмонта? Почему?

– Она стала супругой Сареса. Он теперь под ее властью. Похоже, таким образом она расширяет владенья.

– Оригинально... – хмыкнул Торес и, заметив входящего палача, сделал останавливающий того жест: – Подожди!

Палач с поклоном замер у входа рядом с охранниками.

– Где теперь дочь Маграта?

– Не знаю. Она настолько мощная чародейка, что проследить ее путь невозможно. Но единственное что могу сказать: сейчас она далеко отсюда.

– А Крагонверг?

– Он исчез... я не смогла с ним связаться. Похоже он покинул наш мир, причем даже не оставив канала связи.

– Откуда взялся дракон, который с ним сражался?

– Я не видела откуда он взялся, но ходили слухи, что дочь Маграта пленила дракона. Возможно, это был как раз он.

– Ты видела это сражение?

– Не с начала. Когда я добралась до окна, выходящего во двор, они уже сражались. Правда, сражением это было трудно назвать. Они крушили все вокруг, не причиняя друг другу никакого вреда, а потом взмыли в воздух.

– Интересно... Так, чуть не забыл: а что с кораблями Гирмонта?

– Они по-прежнему идут сюда, в ближайшее время войдут в порт.

– Ясно, – проронил Торес и вновь обернулся к магам: – Лгала?

– Возмущенности не было никакой, и поток информации ровный шел. Даже пиковые значения по мощности не превышали уровня предельно-допустимого значения напряженности по поверхности... – тут же затараторил невысокий толстячок.

– Не лгала, – веско резюмировал второй.

– Что ж... тогда так, – Торес обернулся к охране: – Колдунью мою в темницу. Позже решу, что с ней делать, а магам две мерки золота, как и обещал.

После чего, едва заметно кивнув почтительно склонившимся перед ним магам, стремительно вышел.

Маграт отдыхал в кабинете, когда ощутил магическое прикосновение Сареса, стоявшего в магическом переходе и просившего разрешения войти.

– Вы позволите, Владетель?

– Входи, – Маграт раскрыл арку перехода.

Войдя, Сарес низко поклонился: – Здравствуйте в веках, Владетель.

– С чем пришел? – не отвечая на приветствие, хмуро осведомился Маграт.

– Мои корабли достигли берегов Вериниги.

– Плюнь на них, – поморщился он, – не до них сейчас.

– Все дело в том, Владетель, что Веринига капитулировала, и Торес готов признать Ваш с Владетельницей протекторат. Правда, с одним условием, – старик усмехнулся.

– Каким?

– Торес хочет стать еще одним супругом Владетельницы.

– Вот только этого не хватало, – Маграт раздраженно скривился.

– Это его неперемное условие. Кстати, а в чем проблема? По-моему, Кьяра спокойно относится к подобному способу расширения Владения. Или я не прав?

– Ты знаешь, почему он решил капитулировать? – проигнорировав его вопрос, задал свой Маграт.

– Знаю. Я говорил с Торесом через моего мага на корабле. Он общался с Кьярой, перед ее схваткой с Крагонвергом, которого, как он уже знает, она с помощью ее дракона отправила в мир иной. Поняв, какова ее сила, он решил согласиться на ее условия протектората без ограничения его внутренней власти. Однако он настаивает на обручении с ней.

– Зачем ему это?

– Он говорит, для сохранения имиджа, потерять который для него недопустимо. Но как мне кажется, он элементарно влюбился в твою дочь, Маграт, – губы старика вновь дрогнули в усмешке, – или я разучился разбираться в людях.

– То есть если обручения не будет, он готов воевать?

– Да.

– Проклятье. Как это все некстати... – Маграт вновь скривился.

– Почему?

– Как почему? – нервно сглотнул он. – Потому что моя дочь устала после схватки с Крагонвергом. Зла на всех, особенно на Тореса, который допустил его появление, и перспектива обручения с ним ее явно не обрадует.

– А ты все же поговори, – перешел на доверительный тон Сарес. – Если она устала, то тем более начинать военные действия ей с ним явно не с руки, а Веринига довольно лакомый кусок, чтобы от него отказаться. Хотя, что я советую. Ты – Владетель, тебе и решать.

– Решу. Иди.

– С Кьярой позволишь увидеться?

– Говорю же: устала она! – Маграт в раздражении хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. – Захочет, сама тебя навестит. Иди!

– Что Торесу передать?

– Ничего! Пусть ждет. Сам с ним свяжусь.

– Корабли отозвать?

– Да.

– Будет исполнено, Владетель, – Сарес поклонился и, открыв арку перехода, удалился.

Весь день Маграт провел в размышлениях, а к вечеру призвал к себе дочь. Она пришла в сопровождении Артеса, который теперь безотлучно был при ней. Войдя, она чуть склонила голову:

– Добрый вечер, отец.

– Что-то с трудом верится в то, что этот вечер может стать добрым, – хмуро откликнулся Маграт, набрасывая по периметру магический занавес и борясь с внутренним раздражением, которое постоянно возникало, как только он видел Ингу-Кьяру.

– Вы звали, – она потупила взгляд.

– Звал. Необходимо обсудить кое-что в связи с изменившимися обстоятельствами, – он повернулся к Артесу: – Она забеременела?

– Пока нет, – тут же с поклоном отозвался тот.

– Что ж, это даже к лучшему... с беременностью тогда торопиться не будем. Потому что неизбежное нервное напряжение может негативно сказаться на будущем ребенке. Так что сначала утрясем кое-какие возникшие проблемы, а к вопросу о зачатии наследника вернемся чуть позже.

– Вы это о чем, отец? – Инга непонимающе распахнула глаза.

– О том, что тебе следует временно прекратить любовные отношения с Артесом. Вот о чем, тупая курица!

– Это я поняла, – на ее глаза тут же навернулись слезы. – Я не поняла что за неизбежное нервное напряжение? И какие проблемы?

– А как ты можешь понять, если я о них еще и не говорил? Вот что за дура! Что ни слово – все невпопад, только и знает, что носом хлопать и слезы лить, – Маграт раздраженно скривился и вновь повернулся к Артесу: – Внуши ей, наконец: пусть больше молчит и раскрывает рот, чтобы сказать только то, что ты ей передал.

– Хорошо, Владетель.

– Кстати, от того научится она держать язык за зубами или нет, ее жизнь сейчас зависеть будет. Вот ляпнет что-то невпопад, как сейчас, и сожрет ее дракон.

– Дракон?! – Инга побелела словно полотно. – Вы хотите, чтобы я разговаривала с драконом?! – в глазах ее плескался ужас.

– А ты что хотела? Быть Владетельницей, это тебе не только на троне сидеть и с умным видом головой кивать, – зло бросил ей Маграт и в раздражении отвернулся, пробормотав: – Это как же Алике пришлось постараться, чтобы такую истеричку воспитать. Ладно, что воспитала, то и расхлебывать будет...

– Я не истеричка, я просто никогда не видела драконов... и боюсь их, – обиженно насупилась она.

– Да мне плевать, кого ты боишься, а кого нет! Ясно тебе? – Маграт рывком поднялся с кресла и, шагнув к ней, зло схватил за плечи. – Можешь даже бабочек бояться, если тебе так хочется, только будь любезна исполняй то, что положено и веди себя достойно! Иначе очень об этом пожалеешь! Очень!

Она испуганно сжалась в его руках и даже зажмурилась от страха. Увидев это, он скривился как от зубной боли и, разжав руки, отступил.

– Объясните мне, Владетель, что Вы хотите, – к нему с поклоном приблизился Артес. – Я думаю, мне удастся добиться, чтобы принцесса вела себя так, как Вы того желаете.

– Она должна убедить дракона, которого мы с тобой видели, что она – Къяра.

– Вы считаете это возможно?

– Если сказать ему, что она потеряла память в схватке с Крагонвергом, больна и нуждается в его поддержке, то почему бы и нет...

– Такой вариант может и пройти, но для чего Вам это нужно?

– С Къярой хочет обручиться правитель Вериниги. Убедить его в том, что она, – Маграт кивнул на дочь, – и есть Къяра будет гораздо труднее, чем дракона... Торес, к сожалению, успел с ней пообщаться... и при этом, в случае чего, сослаться на болезнь или потерю памяти категорически недопустимо, поэтому нам и необходимо заручиться поддержкой дракона. Торес считает, что в схватке с Крагонвергом ей помог именно дракон. А значит, у него и тени сомнения не должно возникнуть по поводу нее, если прилетит она к нему на драконе.

– Логично. Только зачем Вам нужно это обручение?

– Мне нужен протекторат над Веринигой. А здесь решение само упало в руки, грех им не воспользоваться.

– А если Торес все же догадается, что обручился не совсем с той, с кем хотел?

– Артес, а вот вообще тогда на кой ляд мне нужен ты? Это твое дело сделать так, чтобы не догадался! Ясно тебе? – Маграт в раздражении сжал руку в кулак.

– Понял, – тут же кивнул тот.

– А раз понял, забирай ее и подготовь к разговору с драконом. Только не забудь объяснить, что если она плохо сыграет роль, ни дракон, ни Торес церемониться с ней не станут, а я и пальцем не пошевелю, чтобы ее вытащить, и даже если вытащу то только для того, чтобы на плаху отправить.

– Обязательно объясню. Это все, что Вы хотели, Владетель?

– Да, – Маграт сдернул занавес и сделал жест, позволяющий им уйти.

Артес тут же поклонился и, полуобняв за талию, вывел бледную и плохо держащуюся на ногах принцессу, приговаривая: – Пойдемте, Владетельница, все будет хорошо. Не надо так волноваться.

Проводив их долгим взглядом, Маграт скривился и чуть слышно пробормотал: – Как же мне не хватает тебя, моя радость, и как же я по тебе тоскую... особенно когда вижу в твоей роли эту пустоголовую марионетку.

В апартаментах Владетельницы, выгнав всех слуг, Артес усадил Ингу на диван. Потом налил в большой бокал вина и подал ей:

– Пей!

Обхватив дрожащими руками бокал, она залпом выпила. Он сел рядом и осторожно положил руку на плечо:

– Сейчас полегчает. И ты поймешь, что ничего страшного не произошло.

– Не произошло? – потряхнув оцепенение, Инга отбросила бокал на пол и повернулась к нему. – Он хочет сунуть меня в пасть дракона, а потом, если вдруг по случайности выживу, отправить к этому дикому варвару, жрущему сырое мясо и приносящего жертвы каменным идолам. И ты считаешь, что ничего не произошло и все нормально?

– Не надо так нервничать. Мы со всем справимся, – он притянул ее к себе и крепко обнял.
– Тебе легко говорить, не тебе же придется и с драконом общаться и с этим варваром, – она попыталась высвободиться, но он не дал.

– Тихо, тихо... Все будет хорошо, обещаю. Я буду всегда рядом, и если ты будешь меня слушаться, то мы все преодолеем.

– Я боюсь, понимаешь? Боюсь! – она, плача, уткнулась ему в плечо.

– Ну поплачь, поплачь... сейчас выплечешься и легче станет, поймешь, что все твои страхи напрасны. Бояться не надо. Все будет хорошо, – принялся утешать он ее, ласково поглаживая по спине.

Дракон безучастно лежал на полу большой залы рядом с тупиком, где сражалась Къяра, уткнув голову в лапы. Время застыло для него, свернувшись в плотную спираль, и казалось, уже никогда больше не развернется. Перед глазами у него плыли картины его общения с Къярой, ее дивный смех и ласковый голос все время звучал в ушах, но все это приняло очертания сказочного сна, очнуться от которого он был не в силах.

В это время сверкнула арка магического перехода, и из нее показался тот, кто назвал себя отцом Къяры.

Дракон тут же рывком поднялся с пола и хрипло выдохнул:

– Ты нашел ее? Что с ней? Почему ты так долго не шел? Ты обещал сразу прислать за мной! Ты обманул?

– Как много вопросов... – грустно усмехнулся Маграт. – Я даже не знаю, с какого начать.

– С любого! – дракон собрал на лбу раздраженные складки.

– Тогда начну по порядку. Я нашел ее, когда схватка уже закончилась, и она едва дышала... и была без сознания... поэтому звать тебя уже смысла не было... – он печально вздохнул.

– Что с ней сейчас? Она жива? – дракон подался вперед.

– Сейчас ей чуть лучше, но она почти ничего не может вспомнить... Я не знаю, что с ней сотворил Крагонверг, но иногда мне начинает казаться, что это уже и не она вовсе... Если честно, все эти дни я был в отчаянии... – он отвернулся и осторожным движением отер заблестевшие в глазах слезы, после чего срывающимся голосом продолжил: – Поэтому так долго и не шел к тебе и не посылал никого – нечего мне было тебе сказать... она путается и не может вспомнить элементарное... Порой у меня закрадываются сомнения, что я зря ее вытащил... возможно ей было лучше умереть там... потому что это уже и не она вовсе.

– Ты что говоришь? – дракон злобно ощерился. – Не смей такое говорить! Она выжила, и это огромное счастье. Память вернется – и вообще память – это не самое главное. Болезнь это проходящее, ее просто надо вылечить. Разреши мне с ней увидеться. Вдруг я смогу помочь.

– Она не помнит тебя... я говорил, рассказывал, пересказывал наши разговоры о тебе, а она лишь головой мотает: «не помню»... и плачет...

– А вдруг увидит и вспомнит? – в глазах дракона промелькнула надежда.

– Может... – неуверенно пожал плечами он, а потом резко повернулся и, заглянув дракону в глаза, решительно и жестко проговорил: – Я приведу ее к тебе. Сможешь помочь – хорошо. А не сможешь – убей лучше, такой Владетельница быть не может!

– Да я лучше тебя прикончу! – яростно выдохнул дракон, надвигаясь на него.

Но Маграт не отступил, наоборот, в глазах мелькнула ярость и раздражение, и он двинулся ему навстречу:

– Во-первых, сил у тебя не хватит, а во-вторых, если все же хватит, то убив меня, автоматически и ее прикончишь. Чтобы дать ей сил, я надел на нее свой кабалит, который стоит на свертке. Но попробовать все равно можешь. Пробуй!

– Да не хочу я пробовать... – дракон отвел взгляд в сторону, – это я в том смысле, что скорее уж тебя прикончу, чем ее... не смогу я ее убить, она мне дороже жизни.

– Ну вот и славно. Значит, чтобы не убивать, поможешь ей вновь стать достойной Владетельницей и поддержишь и имидж ее, и статус. А то она своим неадекватным поведением скоро его совсем уронит.

– Ну я постараюсь...

– Прекрасно. Тогда надевай! – в руке Маграта появился кабалит.

– И не подумаю... – дракон попятился.

– Если не наденешь, не выйдешь отсюда, ты поклялся до прихода Артеса здесь сидеть, и Къяру я уничтожу!

– Ты не посмеешь!

– Еще как посмею! Надевай!

– Пока не увижу ее, не надену. Может, ты мне лжешь все...

– А если увидишь, наденешь?

– Да.

– Клянешься?

– Клянусь, но только если это будет действительно она, – нехотя проговорил дракон и склонил голову.

– Договорились, – кивнул Маграт и скрылся в арке переходов.

В кабинете, куда вернулся Маграт, его ждала дочь и Артес, который тут же шагнул к нему:

– Ну как?

– Замечательно, – процедил Маграт сквозь зубы и протянул дочери кабалит: – Надевай!

– Отец, зачем? Я же и так покорная Вам... – испуганно попятилась та.

Маграт в раздражении сунул кабалит в руки Артесу: – Если через минуту он не будет на ней, по стене обоих размажу...

Тот с поклоном взял кабалит и, шагнув к Инге, обнял: – Не бойся, я помогу.

Из ее глаз потекли слезы, но вырваться она не посмела и дала надеть и затянуть на себе кабалит. А потом, вскрикнув от пронзившей тело боли, тут же без чувств повалилась ему на руки.

– Решил помочь ей таким образом? – недовольно поморщился Маграт, поняв, что Артес использовал отключающий сознание импульс.

– Она слишком нежна, чтобы терпеть такую боль, – укладывая бесчувственное тело Инги в кресло, тихо проговорил тот. – Кстати, зачем Вам кабалит на ней?

– Чтобы переодеть его на дракона.

– Не понял.

– И не надо! Приводи ее чувство, и я отведу ее к дракону.

– Вы позволите мне сопровождать вас?

– Нет! Тут нас подождешь! И не спорь! – в тоне Владетеля слышалась такая злость, что Артес не стал перечить.

Наклонившись над Ингой, он привел ее в чувство, после чего помог подняться.

– Ты помнишь, что надо говорить дракону? – Маграт испытующе посмотрел на нее.

– Да, – она нервно облизнула губы.

– Ну вот и славно. Потому что рассчитывать тебе придется лишь на собственные силы. Подсказывать будет некому, – Маграт обернулся к Артесу: – Пожелай ей удачи. Она ей пригодится.

Инга тоже обернулась к Артесу, ее испуганный взгляд безмолвно молил, но Маграт не стал терять время на сантименты и, решительно взяв дочь за руку, шагнул с ней в открытую им арку.

Выйдя из арки в зале пещеры, где он оставил дракона, Маграт подвел дочь к нему и, тихо проговорив: – Проверь! Мне тоже интересно она это или нет. Может, и впрямь я ошибся и это вовсе не она, – отошел в сторону.

Дракон, привстав, наклонил голову и заглянул в глаза стройной черноволосой девушки: – Здравствуй.

Та широко распахнула влажные от слез глаза, в которых плескался явный страх и побелевшими губами едва слышно проговорила:

– Здравствуй.

Дракон озадачено хмыкнул, потом потряс головой и повернулся к Маграту:

– Внешне она ее копия, а вот взгляд не ее...

– Вот и я про то же, – согласно кивнул головой тот, – у меня такое впечатление, что перед смертью Крагонверг из нее душу вынул...

– Это невозможно, – дракон отрицательно качнул головой.

– А что возможно?

– Думаю... – дракон задумчиво прикрыл глаза, потом резко тряхнул головой: – Кажется, я знаю! Дай мне лизнуть каплю ее крови.

– Ты пробовал на вкус кровь моей дочери? – не ожидавший такого поворота событий Маграт, озадаченно хмыкнул.

– Да, было дело, – согласно кивнул дракон.

Поняв, что отступать некуда, Маграт небрежно пожал плечами:

– Что ж, попробуй, если ты считаешь идентичность крови доказательством, то проверь так. Хотя вот лично мне не верится, что это хоть что-то доказать может... Даже если кровь идентична, голова у нее все равно уже явно не та, – он раздраженно скривился.

– Ты хочешь отказаться от собственной дочери? – удивленно фыркнул дракон.

– Понимаешь, – Маграт шагнул к дракону и, коснувшись рукой морды доверительно произнес: – Моя дочь была умницей, каких поискать, и при этом отважной и смелой чародейкой. А после ее схватки с Крагонвергом стала дебильной истеричкой, позабывшей все на свете... Если у нее так поменялись мозги, я не удивлюсь если и все остальное поменялось. Но в любом случае, проверь, что хотел!

Прищелкнув пальцами, Маграт материализовал в руке нож и подал дракону.

– Пусть сама палец уколется, я не хочу причинять ей даже минимальный вред, – замотал головой тот.

Маграт обернулся к дочери и вручил нож ей. Дрожащими руками та взяла нож, потом нервно кусая губы, ткнула острым кончиком себе в палец и протянула вперед руку, в страхе закрыв глаза.

Вытянув шею, дракон осторожно приблизился мордой к ее руке и кончиком языка коснулся кровоточащей ранки.

Затем озадаченно фыркнув, отпрянул и повернулся к Маграту:

– Это не Къара. Она очень близка ей по крови, но это не она...

– Ну я так и знал! Этот проклятый Крагонверг подменил мне дочь! Моя дочь не может быть такой! – яростно выдохнул Маграт и, повернувшись к дочери, вытянул вперед руку.

В то же мгновение она, с хриплым криком схватившись руками за шею, повалилась на пол и, корчась и хрипло крича, забилась в судороге у его ног.

– Прекрати! Что ты делаешь? – Дракон попытался приблизиться к Маграту.

Но тот отжал его волной магии к стене, зло выдохнув:

– Не лезь! Я приканчиваю ту, что дерзнула возомнить себя Владетельницей без всякого на то права!

– Постой! Я же сказал: она очень близка ей по крови! Не убивай ее, прошу! – в голосе дракона послышались просительные нотки.

Маграт тут же, убрав воздействие, послал импульс, отключивший сознание дочери и та недвижно застыла на полу.

– Ты убил ее? – хрипло спросил дракон.

– Нет. Жду... хочу узнать, зачем просишь сохранить ей жизнь.

– Она моя дочь, как и Кьяра... Хотя я не понимаю... не понимаю как это возможно... и не понимаю как ты можешь быть отцом Кьяры, если она мое дитя... Ты удочерил ее? Да? – тихо проговорил дракон, не сводя напряженного взгляда с распростертого на полу бесчувственного тела девушки.

– Кьяра – твоя дочь? Забавно... забавно... Вот уж не ожидал. Ты это давно знал?

– Сразу.

– И как она объяснила это тебе?

– Никак. Просила не озадачиваться этим... наверное из-за тебя. Так ты ее удочерил?

– Какая разница... – Маграт раздраженно поморщился. – Вот чего ты суешь свой нос в ее дела, если она просила в них не лезть?

– Хорошо, не буду.

Маграт шагнул к дочери, склонился над ней, осторожно приподнял голову, потом вновь опустил и повернулся к дракону:

– Значит, говоришь: это твоя дочь тоже?

– Да, – кивнул тот.

– Ну и что же мне с ней делать? Кьяра исчезла... эта не пойми откуда взялась... Проклятье...

– Оставь ее. Она не Кьяра, но не заслужила смерти.

– Не могу. Я обещался выдать Кьяру замуж, поэтому мне за неимением ее самой теперь нужен хотя бы ее труп.

– Зачем?

– Я не могу отказать в обручении с ней, все сговорено было заранее, мой отказ теперь будет равносителен войне.

– А если ты найдешь Кьяру?

– Уже нашел, – Маграт поморщился, – звезды и вся магия указывают на нее, – он кивнул на дочь. – Что она Кьяра и есть и другой не существует. Если бы не твои слова, ну и ее потеря памяти, я б и не усомнился в том, что это она.

– Расскажи мне, где ты ее нашел.

– Где... Да я сам плохо понимаю где... я взял ее вещь и, сориентировав по ней арку перехода, оказался в подземелье у каких-то каменных врат. Все кругом было в крови. На врата было наложено свежее заклятье, и она бездыханная лежала на их пороге... Я ее забрал и вернулся к себе во дворец... Вот и все.

– Ты возвращался к этим вратам?

– Я пытался, но без нее не смог их найти. А она про них уже ничего не помнит.

– Кстати, с кем она сражалась? Кто такой этот Крагонверг, про которого ты говорил?

– Темный демон из другого мира. Ему нет равных по силе в нашем мире, и он мог превратить его в руины, если бы Кьяре не удалось выпроводить его отсюда.

– Так может это все-таки она, только демон изменил несколько и ее сущность, и сознание? – дракон нервно переступил с лапы на лапу и подался вперед: – Позволь мне осмотреть ее еще раз.

– Смотри... – Маграт отошел в сторону. – Только сомневаюсь я, что ты, что новое вымотришь.

Приблизившись к лежащей на полу девушке, дракон склонил голову и осторожно дыхнул ей в лицо потоком поддерживающей магии. Та застонала и открыла глаза. Увидев перед собой его морду, она испуганно сжалась, а взгляд затопил страх.

– Как тебя зовут? – не сводя с нее взгляда, тихо спросил дракон.

– Я не помню... я ничего не помню, – едва слышно выдохнула она и, нервно сглотнув, спросила: – Ты меня теперь съешь?

– Я никого не ем, – отрицательно покачав головой, дракон немного отстранился.

Воспользовавшись этим, она поднялась с пола и встала, отряхивая платье, потом повернулась к нему: – Ты меня знал раньше?

– Все зависит от того, кто ты.

– Я не помню, кто я. Отец, – она указала на Маграта, – называет меня Къярой, но я ничего не помню и не умею, что умела она... да и ты, как я поняла, считаешь, что я – не она.

– Но хоть что-то ты помнишь?

– Ничего... темнота... а потом, как отец плача склонился и умоляет очнуться... ну и так что-то всплывает... изредка... как мираж... но я даже понять не могу – это воспоминание или я поверила в то, что мне рассказывали... Вот про тебя он мне говорил... только я все равно не помню, – она осторожно протянула руку и коснулась кончиками пальцев его шеи. – У тебя такая приятная на ощупь нежная кожа. Я трогала тебя раньше?

– Къяра раньше часто ласкала, – дракон кивнул.

Ее рука заскользила ниже:

– А это что? – она нащупала рукой ожерелье.

– Подарок Къяры, колье.

– Колье? – протянула она задумчиво и тут же поспешно добавила: – Постой... не говори ничего... мне кажется, я знаю, о каком ожерелье речь... Такое из красного золота с девятью крупными бриллиантовыми подвесками, оно еще так необычно переплетено... три более тонких цепочки, соединенные цельными перемычками, заканчивающиеся подвесками переходят в одну... Я прям вижу его, хотя не вижу у тебя на шее.

– Увидишь, если магическую оболочку просветишь.

– Я не умею это делать... или разучилась... не помню, – она убрала руку и раздраженно помотала головой, – ничего не помню!

– Но про колье ведь вспомнила. Оно именно такое. Смотри! – на шее дракона заискрилось бриллиантовое колье.

– Да! Точно! Такое как мне виделось! – разглядывая колье, с улыбкой проговорила она. – У меня прям картинка: ты в нем... но все равно не помню... ни как ласкала тебя ни что делала... Это так ужасно: ощущать в голове зияющую пустоту, – она прижала руки к вискам, и в ее глазах заблестели слезы.

– Послушай, – дракон обернулся к Маграту, – а может, это все-таки она? Уж больно много совпадений... и нашел ты ее на месте боя по ее вещи, и похожа она как две капли воды, и вспомнила про колье, хоть и не видела его. Может, Крагонверг и впрямь чем-то воздействовал на нее, вот она и изменилась немного и забыла все. А пройдет некоторое время и все восстановится...

– Ну не знаю... – недоверчиво протянул Маграт, – теперь мне уже самому с трудом верится, что это она и что я смогу ее обручить. И кажется мне, ее смерть будет наиболее правильным выходом в данной ситуации. Владетельница не может вызывать чувство жалости! – он решительным жестом вскинул руку.

– Подожди! – дракон шагнул к нему, корпусом перекрывая Ингу. – Ты говорил, что если я ей помогу не уронить имидж и надену кабалит, то не тронешь ее. Так?

– А ты готов надеть кабалит и поддерживать ее статус?

– Когда-то от смерти меня спасла она, теперь видно время пришло платить по счетам, – дракон усмехнулся. – Если поклянешься, что не убьешь и не отречешься от нее, и снимешь с нее кабалит, я его надену.

– Как скажешь, – тихо проговорил Маграт, подошел к дочери и, сняв с нее кабалит, протянул дракону.

Подняв взгляд к небу, Торес заворожено наблюдал как, описав круг над городом, большой серебристо-серый дракон начал медленно спускаться на площадь перед дворцом.

Обдав всех присутствующих мощным потоком воздуха, дракон приземлился и лег посреди площади, давая возможность спуститься двум всадникам, сидевшим на его спине. Первым быстро спрыгнул молодой мужчина с широкой золотой диадемой могущественного мага на лбу, после чего помог спуститься сидевшей рядом с ним девушке в богатом парчовом одеянии, в которой Торес узнал чародейку, разговаривавшую с ним.

Сбежав по ступеням лестницы вниз, повелитель Вериниги приблизился к ней и, опустившись на одно колено, склонил голову:

– Рад приветствовать тебя, Владетельница Лорена и моя нареченная. Здравствуй в веках.

– И тебе здравствовать, – кивнула она в ответ и тут же осведомилась: – Когда церемония?

– К ней все готово. Начнется, как только на то будет твое соизволение.

– Чем быстрее, тем лучше. Я не намерена здесь задерживаться, – холодно проронила она.

– Неужели ты откажешь мне в праздновании этого знаменательного события? – удивленно воззрился на нее Торес. – Наше обручение и твою победу над Крагонвергом необходимо отпраздновать. Вся Веринига, отныне являющаяся твоим пределом, готовилась к этому событию. Ты не вправе обмануть ожидания своих подданных. К тому же твой отказ может быть неправильно воспринят. Ведь обручение с Саресом ты праздновала больше недели.

В глазах чародейки на мгновение мелькнула растерянность, но почти тут же ее губы тронула легкая усмешка:

– Какие у тебя точные данные... Не думала, что ты столь пристально следишь за событиями моей личной жизни.

– Стоит ли этому удивляться, Владетельница? По-моему, принятие твоей Власти однозначно влечет пристальное внимание к твоей персоне, когда любое твоё деяние не может пройти незамеченным.

– Что ж, учту, – она едва заметно кивнула и протянула ему руку.

Коснувшись губами кончиков ее пальцев, он поднялся с колена и, сделав приглашающий жест, подставил под ее руку свою:

– Добро пожаловать в свой придел, Владетельница. Надеюсь, тебе понравится у нас.

– Я надеюсь на это тоже, – тихо проговорила она и легко оперлась на его руку, давая понять, что готова следовать с ним.

Всю долгую церемонию обручения Торес не сводил напряженного взгляда с могущественной чародейки, ставшей его супругой, пытаясь воскресить в душе тот трепет, который испытал при первом их разговоре, пораженный ее бесстрашием, отвагой и уверенностью в своих силах. Однако чувства не возвращались. Рядом с ним стояла хоть и красивая, но абсолютно холодно-равнодушная женщина, не вызывающая у него никаких эмоций и явно не испытывающая ничего сама.

Во время пира он, пытаясь произвести на нее впечатление, заставил до смерти биться две группы гладиаторов. Потом приказал исполнять смертельно-опасные трюки акробатам, канатоходцам и жонглерам мечами, во время которых тоже не обошлось без смертельных исходов. Но ничего ее не трогало, и она сидела с безучастным видом, взирая на происходящее.

– Тебе не нравится? – тихо спрашивал он, после каждого выступления, демонстрируемого ей.

– Нет, отчего же. Очень мило, – натянуто улыбалась она и отводила взгляд.

Торес терялся в догадках, пытаясь понять, как он мог так обмануться в ожиданиях. Но у него оставалась надежда, что возможно ночь, проведенная с ней, сможет что-то изменить. Правда он опасался отказа и заранее заготовил длинную пламенную речь о нерушимости традиций и том, что брачные узы, не скрепленные подобным образом, не могут быть прочным залогом его преданности ей. Однако долгие убеждения не потребовались. Владетельница лишь в первый момент напряженно замерла, услышав его приглашение пройти с ним в спальню, и в ее глазах промелькнул то ли испуг, то ли недовольство, но тут же согласно кивнула, тихо проронив:

– Да, конечно, а как же иначе...

Сопровождающий ее маг, проводил их до дверей спальни и с поклоном осведомился, где ему будет позволено ее ожидать. Не оборачиваясь, она бросила ему через плечо: «тут жди» и прошла в спальню.

– Ты не хочешь отпустить своего мага, чтобы он отдохнул? – с удивлением глядя на нее спросил Торес. – Почему?

– Мне может что-то понадобится... – раздраженно поморщившись, тихо проговорила она и отвернулась.

– Неужели ты сомневаешься в том, что любое твоё желание будет моментально исполнено?

– Я ни в чем не сомневаюсь, но хочу, чтобы он ждал меня у дверей! – она обернулась к нему, и Торес впервые увидел ярость в ее взгляде.

– Я не против. Пусть ждет, – пожал он плечами.

Ярость, полыхавшая в ее глазах, моментально потухла и, удовлетворенно кивнув, она шагнула в сторону ложа, украшенного гирляндами цветов.

Торес двинулся следом и, обняв сзади за плечи, нежным поцелуем коснулся шеи, потом нащупав застежку на плече ее платья, расстегнул. Платье из тяжелой расшитой золотом парчи соскользнуло с плеч, и он с удовольствием приник к ним губами. Затем развернул к себе и осторожным движением развязал пояс, дождавшись, чтобы платье упало к ее ногам, бережно подхватил на руки и уложил на шелковые простыни брачного ложа. Ее тело было великолепно. Торес видел многих женщин, но подобное совершенство видеть ему еще не доводилось. Нервно сглотнув, он несколькими быстрыми движениями сбросил с себя одежду и лег с ней рядом. Изпод полуопущенных ресниц она внимательно смотрела на него, при этом лицо ее было совершенно бесстрастно и не выражало никаких эмоций. Торес порывисто прижал ее к себе и впился ей в губы долгим страстным поцелуем. Она не пыталась вырваться, но и не ответила на его пылкие объятия. Через некоторое время, после того как он овладел ей, Торесу стало казаться, что обнимает он ничего не чувствующее, безжизненное существо.

– Что-то не так? – он отстранился и вопросительно посмотрел на нее.

– Все так, – тихо проронила она в ответ и после небольшой паузы добавила: – Просто подобное не приносит мне удовлетворения...

– Скажи, что доставит тебе удовольствие. Я сделаю.

– Видимо, я вообще не способна его получить. Поэтому не озадачивайся и продолжай.

Однако продолжать Торесу уже расхотелось. Он сел на край кровати и стал задумчиво смотреть в переплет окна. Лежавшая рядом безумно красивая женщина почему-то больше не манила его.

– Ты хотела не задерживаться здесь, – после некоторого раздумья негромко проговорил он, – так вот: если твое желание не изменилось, то я не смею тебя задерживать более, и не буду возражать, если после торжественной церемонии прощания ты завтра покинешь Веринигу.

– Да, это было бы необычайно кстати. У меня много дел, – тут же откликнулась она и отвернулась, натягивая на себя атласное одело, лежащее сбоку.

Утром Владетельница отказалась от завтрака, торопя его провести торжественную церемонию прощания как можно скорее. Торес не стал упрямыться. Разочарование, смешанное с неудовлетворенностью грызли изнутри, побуждая побыстрее избавиться от ее присутствия.

Они вышли на дворцовую площадь, где ее ждал дракон. На почтительном расстоянии от него толпилось множество любопытствующих зевак.

Повинуясь знаку Тореса, охрана стала оттеснять к краю площади толпу, и тут от нее отделился седовласый старец и с поклоном что-то сказал одному из охранников. Тот подозвал начальника отряда, который сразу же направился к ним.

– Повелитель, – начал он, преклонив колени, – маг Леонгард просит дозволения поговорить с Владетельницей до ее отлета. У него к ней важное дело.

Торес обернулся к ней:

– Соизволишь поговорить?

– Кто это?

– Старейший маг, живущий в Вериниге, отшельник, обычно избегающий любого общения. Не знаю, что это его заставило вдруг изменить своим привычкам.

– Я тороплюсь, – она недовольно нахмурилась.

– Настолько, что не можешь уделить ему и пару минут? Тебя даже не интересует, что за дело привело его к тебе? – не смог сдержаться он от недоуменного вопроса.

– Пару минут я могу выделить, но не больше, – поморщилась она.

Торес сделал разрешающий жест, и старец приблизился и опустился перед ней на колени. А потом, низко склонившись, взял в руки подол ее платья и прижал к губам:

– Я счастлив, что ты смогла победить, Владетельница, – срывающимся голосом проговорил он, – я молил об этом небеса, но до сих пор не могу поверить, что тебе это удалось. Скажи: что ты сделала с ним?

– Какая разница: что? Главное, что его больше нет, – Владетельница грозно свела брови. – И вообще, по какому праву ты задаешь мне это вопрос?

– Я понимаю, что вряд ли вправе, – он поднял голову и заискивающе попросил: – Но может, ты хотя бы ответишь: пригодился ли тебе амулет, и если нет, то не могла бы ты вернуть его? Он очень дорог мне как память о Рафе.

– Нет, не могла бы!

– Почему?

– Потому что не желаю! – гневно выдохнула она и, резко выдернув подол платья из его рук и не прощаясь, устремила к дракону. Ее маг последовал за ней и помог сесть ему на спину, после чего дракон взлетел, стремительно унося ее прочь.

– Ничего не понимаю, – старый маг проводил ее растерянным взглядом, – он абсолютно бесполезен... с его помощью можно лишь убить меня... а я и так признал ее власть.

– Ты знаком с ней? – Торес заинтересованно посмотрел на него.

– Да, повелитель. Перед ее боем с Крагонвергом мы долго беседовали.

– А она спрашивала: кто ты...

– Не может быть, – Леонгард недоверчиво качнул головой.

– Считаешь, у меня есть резон придумать это?

– Но ведь тогда получается, что это не она...

– Похоже на то, – Торес мрачно хмыкнул. – Жаль, что я не узнал об этом раньше. Сейчас это уже не проверить, раз она улетела...

– Хотите предъявить претензии Лорену?

– Смысла нет. Я признал их протекторат, и все условия соблюдены, – Торес поморщился. – Хотя очень любопытно, где сейчас настоящая чародейка, повергшая Крагонверга, и с чего это вдруг она решила вместо себя прислать замену.

– Я могу постараться это выяснить.

– Если выяснишь, щедро награжу, – пообещал Торес и, стремительно развернувшись, зашагал в сторону дворца.

Леонгард гадал весь день, но карты, по которым он гадал, упрямо молчали. Сломленный бесполезными поисками он обессилено откинулся на спинку кресла, и вдруг в голову ему пришло неожиданное решение. Если карты молчат о местонахождении Къяры, возможно, они подскажут местонахождение его амулета, и хоть это что-то прояснит.

Амулет нашелся быстро. Информационная сфера над Уртскими горами хранила его образ и показывала, что он до сих пор именно там.

Озадаченно хмыкнув, старый маг поспешил к себе в кладовку и, недолго покопавшись там, нашел кольцо магических переходов с программируемым направлением. Оно было очень старо и почти полностью разряжено, но один переход должно было выдержать.

Запрограммировав его на местонахождение своего амулета, старый маг передел его с одной руки на другую и не раздумывая шагнул в открывшуюся арку.

Магический переход вывел его в какую-то пещеру, и старый маг удивленно застыл в арке, не решаясь шагнуть и закрыв переход, остаться в неизвестном месте без надежды выбраться обратно. Перед ним зиял большой пролом, открывающий неглубокую нишу в стене. Леонгард внимательно огляделся, ища глазами среди разбросанных обломков свой амулет, и взгляд его упал на рисунок на полу ниши. Не веря своим глазам, он потряс головой, а потом стремительно вышел и закрыл арку перехода. Подойдя к нише, он присел и стал внимательно разглядывать каменные узоры пола:

– Так вот куда ты его затащила, девочка... умно... ничего не скажешь... и похоже для этого ты пожертвовала жизнью, раз на твоём драконе теперь путешествует другая, обручаясь под твоим именем. Но до чего же все-таки подл Маграг... ни перед чем не останавливается, лишь бы власть свою поганую удержать... не достоин он такой дочери... ведь даже через память о ней переступил не задумываясь... не оплакал даже. И как его только земля носит после такого? – он сокрушенно покачал головой, потом тяжело вздохнул. – Хотя пусть правит, задери его демоны, пусть... Власть – дело именно таких подлых тиранов... Другим ее не удержать. Тебя вот только жалко, девочка... Ой как жалко... ведь какой заступницы мир лишился... И ведь не вернуть тебя уже никак... Хотя почему не вернуть? Это же не могила... Почему бы и не попытаться?

Он решительно встал и, шагнув в нишу, вскинул вверх руки, хрипло выдохнув заклятье, которое учили все маги, даже не ведая: представится ли случай произнести его и хватит ли у них на это смелости.

Пол ушел у него из-под ног, и старый маг завис в мерцающем магическом облаке.

– Что желаешь? – раздалось у него над ухом.

– Хочу, чтоб ты возвратил в мир Къяру, но так, чтобы отец ее не узнал. Не достоин он ее.

– Ты просишь невозможное. Откажись! – мерцающее облако потемнело, а в голосе хозяина колодца послышалось раздражение.

– Почему невозможное? Она мертва? – старый маг решил не отступать.

- Нет, но ее жизнь принадлежит мне.
- Это ее плата?

Леонгард рассчитывал получить положительный ответ и попросить заменить ее жизнь своей, но к его удивлению хозяин колодца надолго замолчал, а потом тихо выдохнул:

- Нет, но это ничего не меняет.
- Почему?

– Потому что она моя гостья, но как только отсюда выйдет, то умрет.

– Значит, я прошу не возвратить ее, а спасти. И даровать ей в миру здоровья и долгих лет жизни, но только вдали от ее отца.

– Ты просишь слишком много...

– Я готов заплатить любую цену.

– Слушай, давай договоримся: найдешь ее три раза, вернемся к этому твоему желанию, а не найдешь, отправишься восвояси и думать забудешь о своих несбыточных мечтаниях.

– Это нечестно!

– Еще как честно! Ежели и вправду именно она так нужна тебе, то ты без труда отличишь ее от десятка ей подобных, а коли не отличишь, – хозяин колодца усмехнулся, – то сможешь получить то, что выберешь, и при этом я даже не потребую с тебя платы... Ну соглашайся, пока я добрый!

В мозгу у Леонгарда промелькнула мысль, как можно справиться с подобным заданием, и он покорно склонил голову:

– Хорошо, я согласен.

– Что ж пошли, провожу к ней.

Леонгард неожиданно для себя почувствовал под ногами твердую опору, а сквозь рассеивающийся мерцающий туман прямо перед ним стала проступать широкая тропинка, убегаящая вдаль.

Тропинка привела его в цветущий сад. За деревьями, на полянке сидела Кьяра и, весело смеясь, играла с пушистой белкой, скачущей вокруг нее.

– Развлекаешься, моя чаровница? – раздалось рядом с ней негромкое.

– Здравствуй, хозяин дорогой. Счастлива слышать тебя. Чем порадуешь? – Кьяра запрокинула голову, прижала руку к губам и послала вверх воздушный поцелуй.

– Ах, чаровница моя дорогая... До чего же ты очаровательна... Может, еще и в любезности мне не откажешь?

– Все, что захочешь.

– Сыграй с моим гостем в прятки. Коли выиграешь – отпущу его, а найдет тебя – заставлю жизнью расплатиться.

– А кто твой гость?

– Не спрашивай. Все равно не отвечу и не покажу его тебе. Скажи лучше: выполнишь мою просьбу?

– Я уже пообещала. Только странные у тебя правила игры. Это кто ж меня искать станет, если за то, что найдет, ты его жизни лишит задумал? Или он о правилах не знает?

– Самое главное, что ты о них знаешь и, надеюсь, не станешь ему подсказывать.

– Да уж постараюсь.

– Вот и славно. Белкой обернись.

– Как скажешь, – проговорила Кьяра и тут же вместо нее на полянке появилась вторая белка, похожая на первую как две капли воды, а потом с деревьев стали спрыгивать одна за другой десятки белок и тут же затеяли веселую возню на полянке.

– Ищи, – раздалось над самым ухом Леонгарда.

Еще пока Кьяра была в своем обличье, Леонгард почувствовал, что его амулет находится у нее и облегченно вздохнул. С такой подсказкой найти ее было делом нехитрым. Протянув руку, он быстро вытащил из рыжей кучи малы пушистую игруню, хранившую внутри его амулет:

– Вот она.

– Угадал... – послышался разочарованный голос хозяина колодца. – Что-то ты, чаровница моя любимая, плохо прячешься. Ну ладно, может, следующий раз у тебя лучше получится. Давай-ка бабочкой обернись.

В то же мгновение пушистый зверек в руках Леонгарда стал невесомым, и, сверкая переливающимися крыльями, прочь с его ладоней сорвалась легкокрылая красавица. А со всех сторон к ней летели уже сотни таких же бабочек, закруживших ее в воздушном хороводе.

От их обилия у Леонгарда зарябило в глазах.

– Пусть замрут, и я укажу, которая из них она, – тихо попросил он.

Бабочки моментально разлетелись во все стороны и замерли. Кто на деревьях, кто на цветках, кто на веточках кустов.

Оглядевшись, Леонгард шагнул к бабочке, сидевшей на красивом голубом цветке и осторожно, взял в руки, стараясь не задеть нежные трепещущие и переливающиеся крылья.

– Вот она.

– Верно... Ты меня разочаровываешь, чаровница моя. Ну да ладно, у тебя еще раз остался. Постарайся, чтобы он не отыскал тебя хоть сейчас. Зорянкой обернись.

Бабочка на ладони Леонгарда взмахнула крыльями и маленькой красногрудой птахой взлетела с его руки, моментально скрывшись в ветвях густых деревьев. И вся округа тут же наполнилась веселым щебетом, и красногрудые птички, как всполохи пламени, замелькали в зелени то тут, то там.

Леонгард шагнул в направлении своего амулета и протянул руку к кроне дерева, но увидел не красногрудую птичку, а свой амулет на ветке.

– Ах вот почему ты ее находил до этого, – рядом с ним раздался смех. – Теперь без него отыскать попробуй.

Леонгард в задумчивости огладил седую бороду. Надо было решать что делать. Он понимал, что бесполезно кричать Кьяре, что не дорожит жизнью и с радостью с ней распрощается, лишь бы она смогла вернуться в мир. Раз хозяин колодца даже не показывает его ей, то ему ничего не стоит и неслышимым его для нее сделать.

В это время одна из красногрудых птах слетела на самую нижнюю ветку дерева и с любопытством посмотрела на него. Он протянул к ней руку, и птичка доверчиво замерла, давая взять ее в руки.

– Не угадал.

– А я и не сказал, что это она, – Леонгард подбросил птичку вверх, и она скрылась в тени ветвей. – Я пока лишь ищу. Ведь ты не говорил, что в руки их брать нельзя.

– Хорошо, ищи, – усмехнулся невидимый хозяин. – Только до сумерек управься, а иначе будем считать, что не нашел ты ее.

– Тут сумерки бывают?

– А как же... как только мне спать захочется, так они и наступают, – усмехнулся тот в ответ.

Леонгард долго ходил по саду, иногда беря птичек в руки. Но каждый раз на вопрос: «Это она?», отрицательно качал головой и отпускал птичку. Он и сам не знал, что именно искал в птичке и почему решал, что очередная, из пойманных им, не Кьяра.

Через какое-то время мягкий струящийся свет в саду стал меркнуть, и он услышал как хозяин колодца, зевнув, устало проговорил:

- Надоело мне с тобой тут развлекаться. Давай сворачивай свои поиски. Спать я хочу.
- Еще хотя бы час мне дай. Сейчас закончу.
- Час здесь многим месяцам в миру равен. Так что не злоупотребляй моей добротой.

Еще пять минут и все.

– Хорошо, хорошо... – Леонгард нервно оглянулся, и тут взгляд его упал на зорянку, прижавшуюся к развилке ветвей. Остальные птички скакали, весело чирикали, а эта старалась слиться с веткой дерева, став незаметной.

– Я нашел ее. Вот она! – он вскинул руку, указывая на сжавшуюся меж ветвей птаху.

– Проклятье! – все пространство вокруг вспыхнуло ярким светом. – Ты не представляешь, что я потребую взамен! Откажись!

– Нет, – Леонгард покачал головой.

– Ты будешь умирать мучительно и долго! Ты будешь проклинать сам себя, что не отказался. Откажись!

– Нет.

– Ты потеряешь всякое достоинство, будешь пресмыкаться перед теми, кого презираешь, предашь свои же идеалы и сам уничтожишь то, что так сильно желаешь сейчас. Откажись!

– Ты вряд ли принудишь меня уничтожить ее, тебе самому она нравится... А остальное уничтожай вместе со мной, это достойная плата за ее жизнь в миру. Даже если я умру, потеряв всякое уважение к себе, я все равно буду знать, что не зря прожил жизнь, раз позволил миру наслаждаться таким сокровищем как она.

– Что ж, твоя взяла... – раздалось разочарованное, и столб света, взметнувшись вверх, вынес к засверкавшему солнечной голубизной небу маленькую красногрудую птичку, которая жалобно вскрикнув, растаяла в высокой синеве небес.

Глава 2

Уртская шаманка Перея, шла вдоль излучины реки, ища среди подернутой первым ледком опавшей листвы логова впавших в спячку ужей. Ветер морозно дохнул, срывая с веток и унося вдаль последние листья. Его порыв заставил Перею плотнее запахнуть зипун из шкуры горного козла.

– Ну и погода, – буркнула она, поправляя выбившуюся седую прядь под узорчатую вязаную шапку с длинными ушами.

И тут ее внимание привлекла маленькая нахохлившаяся красногрудая птичка, неподвижно сидящая среди голых ветвей раkitника.

– Ты что это, малышка, – удивленно проговорила Перея, прищамкивая беззубым ртом, – никак зиму с летом перепутала? Все твои родичи уже в жарких странах давно, а ты тут мерзнешь... – на ее широкоскулом морщинистом лице появилась ласковая улыбка.

Птичка встрепенулась, и черные бусины ее глаз посмотрели на шаманку так, что она невольно вздрогнула. Ей показалось, что маленькая зорьянка заглянула прямо в душу.

– Кто ты? – тихо выдохнула она, не смея отвести взгляд от птички.

– А кем ты хочешь, что бы я была? – птичка грустно склонила голову набок.

– Лай-он-на, – заморожено глядя на нее, прошептала Перея.

– Капля росы, отражающая мир? – удивленно переспросила птичка. – Что ты имеешь в виду?

– Ты волшебница, способная перевоплотиться во что угодно. Так? – шаманка нервно сглотнула.

– Да, я могу принять любой облик, – кивнула птичка.

– Значит, Лай-он-на.

– Возможно... – птичка грустно вздохнула, – я не помню, как меня зовут.

– Это как так? – шаманка удивленно прищурилась и без того узкие глаза и непонимающе покачала головой.

– Ничего не помню... ни мое имя... ни мой дом... ни мою семью... ни кого любила... но я точно знаю, что все это у меня было, я просто где-то все это потеряла... и не могу вспомнить где, – птичка вновь нахохлилась и отвернулась.

– Так ты все потеряла? Вот беда... – шаманка сокрушенно вздохнула, а потом протянула вперед руку. – Может тогда, со мной пока пойдешь? Здесь холодно, и я смотрю, ты замерзла.

Птичка тут же доверчиво слетела к ней на руку, а потом перебралась на плечо:

– Пойдем, тут, и правда, холодно.

Зайдя в небольшую пещеру, служившую ей домом, шаманка склонилась над очагом, поджигая сложенные горкой дрова. Птичка тут же перелетела с ее плеча на небольшой выступ рядом с очагом и устроилась там.

– Жаль только ни одного ужа так и не нашла, – с сожалением проворчала Перея, пристраивая над занявшимися дровами небольшой котелок с водой и высыпая в него крупу. – Так что не обессудь, гостя дорогая, угощать лишь постной похлебкой буду.

– Тебе нужен уж? Зачем?

– Как зачем? Вкусный он... мясо такое нежное, что и без зубов справишься и наваристое. Вот нашла бы, попробовала бы ты похлебки с ужом и знала бы тогда, зачем их ищут.

– Так ужа найти не проблема, – усмехнулась птичка, взъерошивая перья, – вон один у тебя под ногами копошится.

– Ах, духи гор, – всплеснула руками шаманка, взглянув себе под ноги, – и вправду уж... да жирный какой... Никак ты поспособствовала? – она подняла голову и испытующе посмотрела на птичку.

– Ты не на меня смотри, а лучше ужа своего хватай, – весело рассмеялась птичка, – а то уползет, и поминай, как звали.

– Куда ж он по такой погоде уползет... если только до порога, – усмехнулась шаманка, достала из-за пояса нож и ловким движением, подхватив извивающегося ужа, отсекла ему голову. После чего вышла из пещерки и, сев на пороге, принялась разделять обезглавленную тушку.

Когда от варева, сдобренного от души пряными травами, потянуло сочным мясным ароматом, шаманка сняла котелок с огня и установила его на небольшой выступ в углу пещеры. Потом взглянула на птичку:

– По-моему, угощаться в таком виде тебе явно не с руки будет. Может человеческий облик какой примешь?

– Могу и человеческий, а какой именно хочешь, что бы я приняла? Хочешь двойником твоим стану?

– Что ты! Что ты! – испуганно замахала руками Перея. – Не хорошо это, что б кто-то образ двойника принимал... силы уходят. Да и что хорошего в образе старухи? Ты лучше свой прими. Ты ж говорят, красоты неземной.

– Да не помню, какая я... говорила ведь тебе, – птичка раздраженно встряхнулась.

– Ну так я напомню. Невысокая, но стройная да гибкая словно осинка. Белолицая, что первый снег, да высоколобая. Брови черные вразлет, как крылья ласточек, нос прямой точечный, а глаза как два бездонных озера по весне. И волосы прямые длинные серебристо-белые, что покров невесты. И носишь ты всегда поверх платья душегрейку заячьего меха расшитую бисером да такие ж сапожки. Вот так про тебя бают.

– Что ж, раз так бают, то может, так оно и есть, – усмехнулась птичка и, вспорхнув, обернулась девушкой. Именно такой, как описала шаманка.

– Ну точно. Истинно Лай-он-на, – радостно кивнула та.

– Значит, угадала, – удовлетворенно кивнула девушка. – Кстати, коли к столу зовешь, то и мне без подарка негоже. Может, от меня подношение примешь? Скажи, что хочешь.

– Да есть вроде у меня все... Твой визит и есть лучший подарок. Это надо же на старости лет саму Лай-он-ну повстречать. Кому сказать, то и не поверят вовсе. Не иначе как боги милостивы очень ко мне, что такую радость ниспослали.

– Это еще не известно к кому более милостивы и кого кому они послали. Я вот тоже счастлива, что тебя повстречала, – улыбнулась та, и села на небольшой камень около очага. – Ладно, может после еды ясно станет, чем тебя за гостеприимство отблагодарить.

Шаманка достала пару ложек, налила в две плошки своего варева, одну подала гостье, вторую взяла себе и, подтолкнув поближе к очагу еще один камень, тоже села.

– Пробуй! Надеюсь, по вкусу придется. Ужи, они вкусные.

Пригубив варева, гостья задумчиво покачала головой:

– Своеобразный вкус... питательно и жирно, конечно, но мясо волка или куницы, на мой взгляд, вкусней...

– Может и вкусней, но без зубов не особо пожуешь такое, – усмехнулась шаманка.

– В этом ты права, – согласно кивнула гостья, принимаясь за еду.

Доев все без остатка, она со словами благодарности отставила плошку в угол.

– На здоровье, – тут же откликнулась шаманка.

– Кстати, – гостья лукаво улыбнулась, – я сказала, что сама найду, чем тебя отблагодарить. Так вот, я придумала. Отныне жевать сможешь не только мягких ужей, – она повела рукой,

и соскользнувшее с ее руки серебристое облачко на мгновение окутало шаманку. – Нравится такой подарок?

– Такое не может не понравиться... – шаманка с удивлением коснулась своего рта вновь полного зубов.

– Я очень этому рада, – в глазах гостя замерцали ласковые огоньки.

Проснувшись на следующий день, Перея с сожалением обнаружила, что неожиданная гостя уже покинула ее пещерку. Шаманка не удивилась. Виданное ли дело, чтобы Лай-он-на надолго задерживалась среди людей. Порадовала своим появлением и то хорошо.

Покряхтывая, она поднялась, накинула зипун и, зябко поеживаясь, вышла на порог. Порывистый ветер гнал с севера темные груды туч и нес одинокие снежинки. Неожиданно восходящее солнце, прорвав плотную завесу облаков, розоватым светом окрасило верхушки близлежащих гор, но вскоре снова скрылось, погрузив окрестности в сероватый сумрак.

– Похоже, что через пару часов метель разыграется, – пробормотала шаманка, привыкшая из-за долгого отшельничества разговаривать сама с собой, – и похоже надолго. Надо бы за дровами сходить, а то осталось совсем мало.

Она вернулась в пещерку и стала поспешно собираться в путь.

Тепло одевшись и захватив веревку, она шагнула к выходу и едва не столкнулась со своей вчерашней гостьей, стоящей на пороге.

Раскрасневшаяся от легкого морозца и ветра, с большой вязанкой дров на плече, она удивленно взглянула на Перею:

– Ты уходишь куда-то?

– Я за дровами хотела... – Перея попятилась назад, давая возможность девушке войти.

– Не надо. Я уже принесла, – улыбнулась та, кладя вязанку у порога. – Лучше чайку вскипяти.

– Тогда я за водой, – Перея шагнула к ведру, однако оно было полно до краев.

– И к роднику я тоже уже сходила, – с улыбкой пояснила девушка, стряхивая с волос запутавшиеся в них снежинки. – Так что ставь воду для чая.

– Конечно... конечно... – шаманка торопливо склонилась над очагом. – Ты, поди, устала да замерзла. Сейчас все сделаю.

Девушка тем временем сняла из-за спины лук, прислонила к стене и, отстегнув от пояса двух добытых горных ласок, протянула ей:

– Это тебе на обед, ну и шкурки может на что-нибудь сгодятся.

Обернувшись, Перея взяла и стала удивленно рассматривать отверстие от стрелы вместо левого глаза обеих. Потом, не веря собственным глазам, озадаченно прошептала:

– Лай-он-на, ты умеешь стрелять ласок?

– Я умею стрелять кого угодно, – усмехнулась в ответ та.

– Вот уж никогда бы не подумала... Хотя что тут удивительного... это не более удивительно, чем то, что ты ходишь за водой и дровами... – шаманка отложила подстреленных зверьков и возобновила прерванные хлопоты у очага, желая побыстрее напоить чаем гостью, к ее безграничной радости решившую у нее задержаться.

Дни побежали приятной размеренной чредой. Вставала Лай-он-на еще до рассвета и уходила в горы, а возвращалась уже ближе к обеду в зависимости от нужды или с дровами, или с богатой добычей. После этого шла к ручью за водой, где долго умывалась. Шаманка к тому времени уже ждала ее с горячим обедом, после которого волшебница вместе с ней спускалась в поселок, где помогала местным жителям, прознавшим о ее появлении, избавиться от болезней и прочих недугов. Вечера они проводили за разговорами. Вернее говорила в основном Перея, рассказывая сказки и легенды, которых знала огромное количество, а Лай-он-на молча

слушала и улыбалась, изредка кивая головой или подбадривая ее одобрительными замечаниями. Перея нарадоваться не могла на неожиданно появившуюся у нее постоялицу и старалась всячески ей угодить и доставить хоть небольшое удовольствие.

Так прошло немалое время, а потом шаманка стала замечать, что волшебница улыбается все реже и реже, почти не говорит, и глаза у нее вновь полны той тоски, которая сквозила в ее облике, когда она была птичкой. Перея догадывалась, в чем причина, но боялась заводить об этом разговор, страшась, что волшебница покинет ее.

Однако с каждым днем та становилась все печальнее и грустней. И, наконец, как-то за обедом, шаманка не выдержала:

– Ты тоскуешь о потерянной семье? – тихо спросила она, глядя на неподвижно сидящую у очага и не сводившую взгляда с языков пламени волшебницу.

– Да, я все время пыталась вспомнить... Надеюсь твои сказания помогут мне, как помогли найти мой образ, но похоже, бесполезно все это. Я не сумела отыскать даже маленького клочка воспоминаний, – она печально вздохнула и едва слышно выдохнула: – Мое сердце рвется от тоски... я чувствую, что кого-то очень любила, но не могу вспомнить кого.

Шаманка помолчала немного, потом решительно взмахнула рукой:

– Тебе надо отправиться на юго-восток, Лай-он-на. Я слыхала, там высоко в горах живет очень могущественный маг, способный и найти любого и лишь мановением руки переместить кого хочешь куда угодно. Он наверняка сможет помочь тебе отыскать твою семью. Его, правда, очень трудно найти, но ты же волшебница. Ты сможешь.

– А ты откуда о нем знаешь? – заинтересованно посмотрела на нее та.

– Тут горные тролли живут... я однажды ногу одному лечила, так вот он рассказал, что двоюродная золовка его троюродной сестры выбрала себе в партнеры тролля из тех мест. Этот маг послал его зачем-то в наши горы... то ли ягод каких достать, то ли еще чего, я уж толком и не помню. Причем переместил сюда за несколько секунд, а еще кольцо дал, чтоб обратно тот вернулся. Так пока тролль его задание выполнял, партнершу здесь себе приглядел, с ней и ушел.

– Так это арка переходов... в том ничего особенного нет, – разочарованно протянула волшебница и снова отвернулась к огню.

– Так тот тролль много чего про него рассказывал. Что все прошлое и будущее предсказать может, что стоит ему в глаза заглянуть, и он уже все-все о любом знает.

– По глазам? Ты уверена? – она вновь обернулась к шаманке.

– Я с тем магом не общалась, как я могу быть уверена? Говорят так про него...

– А ведь это вариант... Может, стоит попробовать? Как ты думаешь? – в ее глазах загорелась надежда, а губы тронула улыбка.

– Думаю, стоит. Ты ведь ничего не теряешь.

– И ты меня отпустишь?

– Я? – шаманка в недоумении прижала руки к груди. – Как я могу держать тебя? Тебе не надо спрашивать меня о таком.

– И все же я хочу спросить.

– Я не прошу себе, если ради меня ты будешь мучиться от тоски. Твоя улыбка очаровательна. Ты подарила мне много радости, и теперь мне хочется отплатить тебе тем же. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Лай-он-на.

Шаманка встала и осенила ее охранным знаком:

– Пусть сопутствует тебе удача, и боги будут милостивы к тебе.

– Благодарю тебя! – улыбнулась в ответ та и, обернувшись маленькой зорянкой, вылетела прочь из пещерки.

Норлан сидел в кабинете своего горного убежища и читал, когда почувствовал чье-то присутствие. Он резко повернулся. На пороге стояла Веста. Обычно она не смела заходить сюда, и Норлан решил поинтересоваться, что ее заставило нарушить данное правило:

– Что-то случилось?

– Тебя разыскивает девушка.

– Меня многие разыскивают, но это не повод отвлекать меня, – Норлан раздраженно поморщился. – Ты ведь знаешь, что я не люблю, когда мне мешают?

– Да. Я знаю, – кивнула Веста, по-прежнему стоя в дверях.

– Что-то еще?

– Я, конечно, сказала ей, что ты здесь бываешь редко и давно уже не навещал нас...

– Замечательно. Это все?

– Нет, – Веста нервно сглотнула, – она сказала, что я лгу, и просила передать тебе, что будет ждать тебя у родника на восточном склоне ближайšie три дня.

– Теперь ты передала, молодец. Все?

– Нет, – снова повторила Веста и потупилась.

– Ну договаривай, что еще.

– Она дала мне это, – она протянула ему мешочек, – и сказала, еще даст тебе, если ты придешь. Сказала, что не отнимет у тебя много времени, ей надо лишь спросить тебя. Теперь все.

Норлан встал, подошел к ней, взял из рук бархатный мешочек и, шагнув к столу, высыпал его содержимое. По столешнице раскатилась россыпь отборных бриллиантов и рубинов, а потом выпал небольшой слиток золота.

– Ничего себе... – в замешательстве проговорил он и повернулся к Весте: – И это она дала тебе всего лишь за то, что ты передашь мне ее просьбу?

– Да, – кивнула та.

– Ладно, иди к себе.

– Ты сделаешь мне из этого кольцо? – Веста просительно заглянула ему в глаза, и Норлан, поняв, кто натолкнул ее на такую мысль, не смог скрыть усмешки.

Неизвестная просительница все точно рассчитала. И то, что в этом случае ее просьба будет точно передана, и то, что золото и драгоценности, единственное, что может прельстить мага, и то, что за трехдневный срок почти любого к ней приведет обычное любопытство. Даже того, кто поначалу воспримет ее просьбу враждебно.

– Да, сделаю, – кивнул он, и Веста со счастливой улыбкой тут же удалилась.

Поняв, что ищущая с ним встречи девушка по меньшей мере мудра, Норлан решил не испытывать ее терпение и, открыв арку, вышел из нее у родника.

Девушка сидела на камне спиной к нему, но при его появлении сразу обернулась и встала. Вечерний сумрак еще не успел полностью вступить в свои права, позволяя разглядеть просительницу во всей красе. Одета в снежно-белого меха расшитую красными замысловатыми узорами душегрейку, какие носят только на севере, и такие же сапожки. Невысокая, примерно ему по плечо. С волосами серебристыми, как лунный свет, черными, как смоль бровями и бездонными синими глазами. Ее глаза на мгновение напомнили ему Кьяру, и сердце, несмотря на годы проведенные без нее, вновь болезненно сжалось.

– Здравствуй в веках, – на губах девушки заиграла лучезарная улыбка. – Я так счастлива, что ты не отказал в мой просьбе. Вот прими мой скромный дар, – она протянула мешочек раз в пять объемнее, чем тот, который ему отдала Веста.

– Я еще ничем не помог тебе. Так что твоя благодарность преждевременна, – покачал он головой.

Девушка шагнула к нему и склонившись положила мешочек у его ног, после чего отступила:

– Ты пришел, и тратишь на меня свое время. Я благодарна тебе вне зависимости от того сумеешь ты мне помочь или нет.

– Кто ты?

– Урты называют меня Лай-он-на, – распевно произнесла она.

– Как? – от столь дорогого его сердцу созвучия у него перехватило дыхание.

– На их языке: капля росы, отражающая мир, – немного застенчиво пояснила девушка. – Так ты примешь мой дар?

Поняв, что это лишь близкий по звучанию набор слов, Норлан глубоко вздохнул и холодно проронил:

– Да, приму.

После чего повел рукой, и мешочек исчез в одном из его хранилищ.

– Говори, что хотела, – он пристально посмотрел на нее.

– Я потеряла память, – она потупилась под его взглядом и стала нервно вертеть в руках пряжку от своей расшитой бисером душегрейки.

– И что?

– Может, ты сможешь мне вспомнить, где те, кого я любила?

Она подняла на него свои глаза, и он утонул в бездне тоски, которой был полон ее взгляд.

– Понимаешь, – не сводя с него взгляда, продолжила она, – я чувствую, что у меня была семья, любимый, но я не могу вспомнить, кто они и где мне их искать.

– Дел-то... – губы Норлана тронула легкая улыбка, и он вытянул вперед правую руку, сканируя сознание девушки. Однако его импульс будто завязнув в мутном тумане, не вернул почти никакой информации. Удивленный Норлан усилил воздействие, но результат не изменился. Он применил энергетику четырнадцатой сферы, но и это оказалось бесплодно.

– Ничего не понимаю... – он опустил руку, – ты не ставишь блок, я чувствую, что могу считать информацию о последнем периоде твоей жизни, но тебе это вряд ли нужно. Ты и сама это помнишь. А вот дальше мутная масса, явно поглотившая информацию и полностью растворившая ее, – он раздраженно повел плечом. – Причем я не знаю ни одного способа сотворить такое, ну и соответственно как противодействовать такому не знаю тоже.

– Хочешь сказать, мое прошлое безвозвратно потеряно? – в ее взгляде мелькнуло отчаяние.

– Подожди, не надо скоропалительных выводов. Есть другие способы. Дай мне руку.

Она доверчиво протянула ее, и он легко сжал ее пальцы. Это прикосновение неожиданно вызвало в нем давно забытый трепет и прилив желаний, но он мощным усилием воли отогнал их, и вскинул свободную руку к небу. Стояли так они очень долго. А звезды тем временем плясали бесконечным хороводом, не желая дать однозначный ответ.

– Вот сколько живу, первый раз такое вижу, – он опустил поднятую вверх руку, потом разжал другую.

– Что говорят звезды? – с надеждой в голосе спросила она.

– Они говорят, что ты та, кем пожелаешь стать.

– Это правда. Урты меня поэтому так и называли, я могу принять любой облик, – девушка грустно улыбнулась. – А о прошлом они тебе ничего не сказали?

– Нет, я не смог найти твоей звезды, все проекции твоей судьбы выходят из мглы черной дыры.

– Грустно, но что поделать. Я вот тоже своей звезды не отыскала. Думала, у тебя получится. Что ж, видимо, придется с этим смириться. Ты был моей последней надеждой.

– Мне жаль, что я разочаровал тебя. Ты позволишь мне вернуть твоё подношение? – он вновь осторожно коснулся её руки. Ему было искренне жаль расстроенную девушку, которой он не сумел помочь.

– Нет! Нет! Что ты! – отшатнулась она. – Я ведь уже сказала, это благодарность не за результат, а за потраченное на меня время. Ещё раз здравствовать тебе в веках и прощай, – она чуть склонила голову, а потом стремительно развернулась и направилась к узкой горной тропинке, ведущей к склону горы.

– Постой, – окликнул её Норлан. – Уже поздно, а путь тебе предстоит неблизкий, может, согласишься воспользоваться моим гостеприимством, коли ничем другим помочь я тебе не смогу?

Он и сам не понял, почему вдруг предложил это девушке. Это был минутный порыв, то ли нежелания отпускать её, то ли желания хоть что-то для неё сделать.

Девушка обернулась, и губы её тронула нежная улыбка:

– Благодарю тебя. Я не откажусь. Тем более что по большому счёту идти мне всё равно некуда.

– Что ж, тогда пошли, гостя дорогая.

Он провёл её через арку перемещений в своё убежище и, позвав Весту, попросил приготовить комнату для гостя.

Проговорив: «Я подготовлю дальнюю комнату в левом крыле», – Веста быстро ушла.

А он провёл свою гостью в гостиную и, усадив в мягкое кресло, взмахнул рукой. На низеньком столике рядом с ней тут же появились всевозможные яства, чайник с чаем и чашки.

– Пока Веста готовит комнату, предлагаю выпить чаю, – улыбнулся Норлан.

– Спасибо. Ты несказанно добр, – девушка мило улыбнулась и, налив в чашку чай, осторожно пригубила. Тут же её улыбка стала ещё шире.

– О, это именно то, что мне нравится. Чай с травами. С мятой и зверобоем. Ты угадал мои пристрастия. Хотя, что здесь странного, ты же сканировал мою память.

– Я не считывал информацию о тебе, – сев в кресло напротив неё, Норлан отрицательно качнул головой, – хотя, конечно, мог. Но у меня была другая задача. Я просто сам привык пить такой чай. Когда-то давно меня угостили таким, и с тех пор я пью только его.

– Значит, наши вкусы в этом совпадают. Это приятно, – проговорила девушка, отхлебывая чай маленькими глотками.

– Ты почему кроме чая ничего не берешь? – он придвинул к ней поближе блюдо с сухофруктами, конфетами и пирожными.

– Я не сладстена, – качнула она головой.

– А может, ты проголодалась? Я что-то не догадался тебе ничего посущественнее предложить. Ты скажи, если хочешь, не стесняйся.

– Нет, есть не хочу. Да и время больно позднее для еды, – она допила чай и оставила чашку. – Благодарю.

– Можно я спрошу тебя?

– Конечно.

– Ты сказала, что можешь принять любой образ. Ты имела в виду, что личину набрасываешь?

– Нет, – девушка покачала головой, – я могу изменять сущность.

– Ты шутишь?

– Нет. Какой мне смысл так шутить? – она непонимающе посмотрела на него.

Не поверив, Норлан попытался сканировать её сознание, но тут же наткнулся на профессиональный блок, идущий вплоть до четырнадцатого уровня.

– Ты мне не веришь? – глаза гостя потемнели от гнева.

– Извини, – Норлан тут же убрал воздействие, – просто в такое верится с трудом. А ты, оказывается маг.

Он уже ругал себя за то, что посчитав ее кем-то вроде северной жрицы, владеющей лишь примитивной магией, недооценил с самого начала. И сожалел, что не воспользовался моментом подробно считать доступную информацию о ней.

– Может и маг. Только это ничего не меняет, – взгляд ее прояснился, и она равнодушно повела плечом.

– Можешь показать, как меняешь облик?

– Ты хочешь увидеть это сейчас?

– Да, ты права. Сейчас несколько поздно для подобных демонстраций. Но пообещай, что завтра удовлетворишь мое любопытство.

– Хорошо, завтра покажу, – она согласно кивнула, явно ожидая слов благодарности в ответ. Но Норлан не поблагодарил, напротив, уперся в нее испытующим взглядом:

– Объяснить можешь, почему согласилась?

– Ты попросил. Мне несложно исполнить твою просьбу. Так почему не исполнить? – непонимающе пожала плечами она.

– Ты всегда выполняешь все просьбы?

– Если есть такая возможность, то – да. А что тебя так удивляет?

– Ты! Меня удивляешь ты! Я давным-давно не встречал таких магов.

– А каких магов ты встречал?

– Лживых, подлых и коварных.

– Тебе какие-то мерзкие маги попадались, – она брезгливо поморщилась.

– Других не бывает.

– Это как это не бывает? А я? А ты? Ты что тоже лживый, подлый и коварный?

Одновременно с вопросом Норлан почувствовал тонкое сканирующее воздействие, причем настолько мощное, что сдержать его не мог.

– Чтобы выжить, мне порой приходилось быть именно таким, – усмехнулся он.

– Хочешь сказать, что рядом с тобой надо быть всегда начеку?

– Быть всегда начеку вообще-то полезно. Я вот сегодня немного расслабился и, потеряв всякую бдительность, не заметил с самого начала, что ты маг. Одним словом мне несказанно повезло, что ты этим не воспользовалась.

– Чем тут пользоваться? – она непонимающе распахнула глаза. – Я пришла за помощью и благодарна, что ты попытался сделать все, что в твоих силах. Неужели ты считаешь, что в качестве благодарности я могла попытаться причинить тебе вред? Кстати, если исходить из твоей логики, то почему ты не попытался причинить вред мне?

– Мне сейчас смысла не было тебе вред причинять или пытаться пленить. Я отшельник и не заинтересован в этом. А вот встретиться мы лет пятнадцать назад, обязательно бы попытался в полон тебя взять.

– Ты меня заинтриговал... Только смею тебя заверить ничего бы у тебя не вышло. Меня поймать или пленить невозможно. Да и вред нанести тоже.

– Это почему?

– Сейчас не хочется показывать. Давай завтра? Покажу и как образы меняю и как воздействие амортизирую.

– Договорились, – Норлан поднялся. – Пойдем, гостя дорогая, покажу тебе, где ночевать будешь.

Они шли по запутанному лабиринту коридоров его убежища, и Норлан никак не мог понять, что так несказанно притягивает его в этой маленькой северянке. То ли чистая душа, подобная душе его потерянной Лаоны, то ли неразгаданная загадка сущности и необычных

способностей. Но в любом случае он решил, что постарается задержать у себя на ближайшее время столь необычную гостью.

– Вот твои покои, – он распахнул перед ней дверь просторной комнаты, подсвеченной по краям потолка люминесцентным мхом. – Знаешь, как освещенность менять?

На мгновение девушка замерла, а потом, вскинув руку, сначала погрузила комнату во мглу, а потом вновь заставила наполниться светом. После чего кивнула:

– Да, знаю.

– Ты не знала, пока не попробовала? – уперся в нее взглядом Норлан.

– Ты угадал, – губы ее тронула немного застенчивая улыбка. – У меня такое часто. Знания всплывают сами по себе, я что-то начинаю делать и понимаю – я умею это делать и знаю, как надо...

– Занятно... Хотя ничего удивительного. Многие маги доводят свои умения до автоматизма. Это механическая память, и часто она возвращается именно так. Кстати, если твои умения возвращаются к тебе по мере необходимости, то возможно, когда-нибудь они зацепят блок основной памяти, и ты вспомнишь то, что так желаешь вспомнить.

– Ты подарил мне надежду. А то я уж отчаялась. Спасибо, – она благодарно коснулась рукой его плеча.

– Да не за что, – улыбнулся Норлан и поймал ее взгляд. В то же мгновение он почувствовал, что тонет в мерцающей и завораживающей бездне ее глаз. Испуганно отпрянув, он тряхнул головой, пытаясь сбросить морок, потом, поняв, что это не морок, поспешно отвернулся и, пробормотав: – Я надеюсь, тебе понравится, а если не понравится, меняй здесь все, что угодно, по своему усмотрению, – вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Покинув свое убежище, Норлан поднялся на отвесную площадку высоко в горах. Его любимое место уединения и размышлений. Сев на удобный выступ, он поднял глаза к небу и долго смотрел в звездную вышину. Потом едва слышно пробормотал:

– Я не знаю как поступить, моя Лаона... С одной стороны девочка уникальна и может, например, чему-нибудь научить твоего сына. А с другой... с другой... она цепляет меня, и я не могу понять чем... Я боюсь предать память о тебе. Я, конечно, не посмею нарушить клятву, и мое сердце навечно будет принадлежать лишь тебе, но вдруг ты считаешь предательством то, что в нем поселится даже расположение и небольшая привязанность...

Он помолчал немного, а затем, до боли сжав руки, продолжил:

– Если б ты только знала, как я без тебя тоскую... – он тяжело вздохнул, и смахнул набежавшую слезу, потом помолчав еще некоторое время, хрипло проговорил: – Наверное, поэтому и пожалел девочку, что увидел в ее глазах подобную же тоску... Ты не подумай чего, моя Лаона. Я если и позволю ей остаться, это будет лишь жалость и желание совершенствовать твоего сына, я не посмею открыть ей мое сердце...

На следующее утро, накормив гостью завтраком, Норлан, так и не решивший, что с ней делать: просить остаться или выпроваживать поскорей, повел ее на горное плато, поросшее травами и окаймленное низкорослым кустарником.

– Как здесь красиво... Потрясающий вид. Как будто среди облаков паришь, но стоя на зеленой лужайке... – она с улыбкой подняла вверх руки и запрокинула голову.

– Ты раньше не была в горах? – удивился он.

– Была. Я долгое время жила в Уртских горах. Но там не так... Там пустынные холодные скалы, пронизывающий ветер. А здесь даже воздух напоен ароматом трав и нежностью солнца. Здесь природа менее сурова. Хотя и там своя красота.

– Тебе дано видеть красоту и, похоже, везде и во всем. Это редкий дар, – Норлан улыбнулся. – Ну что, покажешь мне, как образы меняешь?

– Без проблем. Выбери любую вещь или укажи любое существо, и я покажу.

Наклонившись к траве, Норлан подобрал большого жука с синеватыми надкрыльями, которого протянул девушке:

– Такой подойдет?

– Подойдет что угодно, – усмехнулась она и вдруг, словно свернув пространство, исчезла, а вместо нее на ладони Норлана появился еще один жук.

Норлан внимательно рассмотрел их и понял, что они идентичны. Даже трещинка на одном из надкрыльев совпадала. Лишь из-за того, что он визуально видел в какого жука превратилась гостья, он это знал, выяснить это другим способом ему не удалось. Вокруг нее не было ни облака магии, ни искажения поля... ничего... Два абсолютно одинаковых жука на его ладони и все.

– Как ты это делаешь? – не веря собственным глазам, тихо пробормотал он.

– Сущность меняю, говорила же... – второй жук приподнял голову.

– Ты можешь в этом виде разговаривать? – смятению Норлана не было предела.

– Могу. А что в этом удивительного?

– Ничего, кроме того, что я не понимаю, как ты это делаешь.

– Как говорю? Поверхностно, над четырнадцатой сферой передаю колебания, а потом резко спускаю их в звуковой диапазон. Понял?

– Гениально. Я бы не додумался. Так ты можешь даже над четырнадцатой сферой работать?

– Могу. Я много чего могу, – жук помотал головой.

В это время первый жук зашевелился, и Норлан взял его в другую руку, намереваясь отпустить, но тут услышал за спиной: «Отец!» и резко обернулся.

У края плато, на тропинке стоял сын Кьяры и чуть нахмурившись смотрел на него. Четырнадцатилетний юноша уже стал ощущать свою силу и с трудом ему покорялся. Норлан не раз порой чувствовал, что их отношения балансируют на грани, и ему приходилось прикладывать немало усилий, чтобы мальчишка не вырвался из-под контроля.

– Что ты хотел, Гранд?

– Мать хочет, чтобы я починил лестницу у северного склона черной горы.

– А ты, я так понимаю, не хочешь?

– Она не нужна! И ты, и я, и Шон отлично обходимся без нее, – он рукой откинул назад упрямо соскальзывающую на лоб короткую прядь черных и тяжелых, как у Кьяры, волос. – А матери там делать нечего.

– Так ты не хочешь чинить лестницу или не хочешь, чтобы Веста поднималась на северный склон черной горы?

– Во-первых, я действительно не хочу, чтобы мать туда лазила. А во-вторых, ну какого демона делать бесполезную работу?

– С первым я согласен и запрещаю ей туда подниматься. А вот со вторым, согласиться никак не могу, потому что не считаю эту работу бесполезной. Кроме нас троих у того склона может оказаться случайный путник, и твоя работа спасет ему жизнь.

– А если не окажется?

– Может и не окажется, но ты предусмотрись такой вариант развития событий. К тому же я, например, с большим удовольствием пользуюсь лестницей, чем любым переходом.

– Даже такой веревочной, болтающейся над пропастью? Отец, ты лжешь! На моей памяти, ты никогда ей не пользовался.

– Сделаешь, воспользуюсь.

– Ради одного этого сделаю... – губы Гранда дрогнули в усмешке.

– Вот и хорошо. После обеда приступишь. А сейчас иди сюда.

Юноша подошел, и Норлан на вытянутых руках показал ему двух жуков:

– Отличия найти сможешь?

Внимательно осмотрев обоих, Гранд безошибочно ткнул пальцем:

– Это просто жук, а это его абсолютно идентичный двойник с магической сущностью глубоко внутри, – после чего вскинул на него свои выразительные темно-васильковые глаза, опущенные длинными ресницами: – Так, отец?

– Так, – Норлан кивнул. – А как определил?

– А не знаю как... – Гранд пожал плечами. – Просто чувствую это и все. Кстати, а что это за жук? Это ты его создал?

– Нет, не я, – качнул головой Норлан и чуть приподнял руку: – Может, примешь свой облик, гостя дорогая?

– Да без проблем, – откликнулся жук, и рядом с ними появилась улыбающаяся северянка. – Понравилось?

– Ух ты... – Гранд не мог отвести от нее замороженного взгляда. – А ты только в жуков оборачиваться умеешь?

– Не только... Я во что угодно обернуться могу. Хоть в лист сухой... хоть в палку. А могу и в животное какое обратиться.

– Покажи! – в глазах юноши разгорелся неподдельный интерес.

– Объект выбери.

– Вот, – он протянул ей, достав из кармана, огниво.

Норлан отошел чуть в сторону и сев на небольшой скалистый уступ с удовольствием стал наблюдать как северянка, в ответ на просьбы Гранда оборачивается то огнивом, то камнем среди травы, то птицей под облаками.

Через какое-то время Гранд не выдержал:

– Не может такого быть, чтобы ты могла обращаться во что угодно! Я знаю, в кого ты не сможешь обратиться! В дракона!

– Покажи мне его и обернись, – рассмеялась в ответ она.

Они стояли друг напротив друга. И рядом с крепко сбитым мускулистым и высоким Грандом северянка казалась маленькой хрупкой тростинкой.

– Думаешь, не покажу? – в голосе Гранда послышалось плохо-скрытое раздражение: – Смотри!

В то же мгновение посреди поляны вместо него появился черный дракон с коричнево-красной каймой на крыльях.

– Какой ты красивый... – северянка протянула руку и нежно коснулась его морды. – Только и я так тоже могу...

В ее глазах заплясали лукавые огоньки, и на плато вместо нее появился еще один дракон, точь-в-точь такой же, лишь с серой каймой на крыльях. Он шагнул к первому и осторожно ткнул носом в плечо, а потом, взмахнув крыльями, резко поднялся в воздух, рассмеявшись серебристым смехом:

– Ты в таком виде только стоять можешь или полетаешь со мной и догнать попробуешь?

– Ну держись! – Гранд рванулся вдогонку, и они быстро скрылись из вида.

Норлан порывисто вскочил, а потом, раздраженно махнув рукой, проводил их хмурым взглядом, пробормотав:

– Что-то я совсем расслабился последнее время и уже совсем не контролирую ситуацию... Отпустить его с ней... большую глупость и придумать нельзя... Ладно, будем надеяться, что она не причинит вреда мальчишке... или я совсем разучился разбираться в людях... – он помолчал немного, потом добавил: – А ведь совсем его облик принимать не стала... видно и правда цвет дракона нельзя повторить.

Вернулись драконы лишь через несколько часов. Первым на плато приземлился дракон с серой каймой, и почти тут же обернулся северянкой. А следом за ним сел Гранд и тоже принял человеческий облик. Северянка легкой поступью приблизилась к Норлану, глаза ее весело искрились, а на губах играла довольная улыбка:

– Твой сын – чудо! Он великолепно владеет своим телом... Мы так здорово размялись.

– Я рад, что тебе понравилось, – кивнул Норлан и перевел взгляд на Гранда.

Тот выглядел намного хуже северянки. Тяжело дышал и явно с трудом держался на ногах.

– Тебе тоже понравилось?

– Да, отец, это было неплохо, но уж слишком утомительно. Твоя гостья не знает меры.

– А я и не знал, что ты у меня слабак, – Норлан иронично усмехнулся. – Неужели не стыдно признаваться в собственной слабости?

– Она более сильный маг, – в глазах Гранда мелькнула неприкрытая злость.

– А что мешает тебе стать таким же? Попроси ее, она может научить тебя этому.

– Ты считаешь мне надо чему-то учиться у нее?

– Если ты хочешь чего-то добиться в жизни, то просто необходимо.

– Я подумаю... – недовольно скривив губы, Гранд отвернулся.

– Думай, конечно, но не особо долго, а то вдруг наша гостья решит покинуть нас раньше, чем ты что-то, наконец, надумаешь.

– А с чего ты решил, что я буду учить твоего сына? – северянка уперлась в Норлана испытующим взглядом.

– Ты сама сказала вчера, что не отказываешь в просьбе, если у тебя есть возможность ее исполнить.

– Я не умею учить – это раз, а во-вторых, твой сын не горит желанием учиться. Иметь такого ученика не по мне. Так что можешь даже не озадачивать его. Я не стану его учить.

– Первое не повод для твоего отказа – ты не пробовала учить и потому не можешь знать о своих способностях. Да и второе не повод. Если ты станешь его учителем, то получишь над ним полную власть, и его желание или нежелание не будут иметь уже никакого значения. Так что погоди отказываться. Давай дождемся его решения.

– Думаешь, он согласится на такие условия?

– Если не глуп и хочет чего-то достичь в жизни – согласится.

– Как же все здорово у тебя получается, отец, – Гранд шагнул к ним, взгляд его пылал яростью. – Выходит, если откажусь, то никчемный глупец и бездельник... Ты даешь мне шанс и можешь меня презирать, если я им не воспользуюсь. Так?

– Абсолютно точно, – Норлан кивнул.

– Тебе кажется недостаточным то, чего я достиг?

– По-моему, ты должен был сейчас сам убедиться, что тебе еще есть куда стремиться.

– Ну почему ты только меня все время так прессуешь, что ты Шона не заставляешь делать все тоже самое? Он ведь и половины того, что я умею, не умеет!

– Нашел чем гордиться, – усмехнулся Норлан. – Тебе дано больше чем ему на порядок, и если ты будешь ровняться по нему, то будешь последним глупцом.

– Да не хочу я никуда стремиться. Понимаешь? Не хочу! Когда ты, наконец, оставишь меня в покое?

– Тебя здесь никто не держит. Считаешь, что все уже умеешь и знаешь, живи самостоятельно. Но учти, если уйдешь, обратно приму только если кабалит наденешь. Мне надоели твои выкрутасы!

– А мне надоел твой контроль! Меня уже достало, что ты тыркаешь меня постоянно, что я должен делать и как. Почему ты все решаешь за меня? Может, мне никогда не понадобятся в жизни все эти дурацкие умения, которыми ты хочешь, чтобы я овладел! Но ты решил, что

понадобятся, и упрямо заставляешь меня ими овладевать... А мне это не надо! Понимаешь? Не надо!!! – Гранд сорвался на крик.

– Не надо? Все умеешь и все знаешь? Что ж, хорошо. Еще раз говорю: я не держу тебя. Вкуси самостоятельной жизни. Если вдруг не понравится – позови. Ты знаешь, я услышу. Только про условия возвращения не забудь.

– Я не вернусь!

– Что ж, тогда мне останется только порадоваться, что я столь хорошо сумел тебя подготовить для самостоятельной жизни. Иди!

– С матерью дашь проститься?

– Я не люблю сцен прощаний, поэтому тебе придется обойтись без них. Иди!

– Ты жесток.

– Уж что есть, – Норлан равнодушно пожал плечами, после чего протянул руку северянке: – Пойдем, гостя дорогая, не откажи в любезности отобедать со мной.

Растерянно посмотрев на Гранда, северянка неуверенно подала руку Норлану: – Ты убежден, что правильно поступаешь, прогоняя сына?

– Я не прогоняю, – качнул головой Норлан. – Его не устраивают порядки моего дома, а в моем доме иначе не живут. Он сам выбрал свой путь. К тому же он волен вернуться, если все же решит принять мою власть.

– С этим не поспоришь, это справедливо, – северянка согласно кивнула, и Норлан увлек ее по направлению к своему убежищу, оставив Гранда одиноко стоять на плато.

– Мне так неприятно, что я спровоцировала твой конфликт с сыном, – идя по каменистой тропке, тихо проговорила она.

– Ты тут не при чем. К этому все шло. Так что не бери в голову. Лучше ответь: согласишься у меня пожить некоторое время, пока сын не вернется, а потом его учить?

– Ты уверен, что он вернется?

– Куда ж он денется? Нагуляется вволю, потом влипнет в какую-нибудь неприятность, вспомнит, что есть место, где ему могут помочь... и вернется.

– А если не влипнет в неприятности или влипнет, но из гордости не вернется?

– Может и так, конечно, но мой немалый житейский опыт подсказывает, что это очень маловероятно. Одним словом поживи у меня какое-то время, а дальше видно будет.

– Ты надеешься все-таки сделать из меня учителя для твоего сына?

– Да, – Норлан кивнул, – он у меня мальчик непростой, и мне очень нужна твоя помощь. Пожалуйста, не отказывай мне.

– Когда так просят, я отказать не могу. Будь по-твоему. Я попробую, если он вернется, стать для него учителем, но только до тех пор, пока он из-под власти моей не выйдет. Удерживать его силой я не буду.

– Договорились, – Норлан взял ее руку и осторожно поцеловал. – Благодарю тебя. Кстати, как мне можно тебя называть? Лай-он-на слишком длинно, да и язык сломаешь, может, позволишь несколько сократить твое имя? Например, Лада?

– Ты боишься сломать язык на таком простом словосочетании? Как же ты тогда заклинания произносишь? – она тихо рассмеялась. – Ладно, я поняла, что мое имя почему-то тебе не по душе. Зови Ладой, если хочешь.

– Благодарю, – Норлан вновь склонился к ее руке.

Вернувшись к входу в пещеру, служившую ему убежищем, Норлан позвал Весту:

– Накрывай стол на четверых, обедать будем.

– Твоя гостя не будет обедать с нами? – осторожно осведомилась та.

– Почему не будет? Будет.

– Тогда почему на четверых?

– Гранд решил уйти.

– Уйти? – Веста испуганно прижала ладони к щекам. – Это из-за меня? Потому что я просила лестницу починить? Да?

– Успокойся, – Норлан едва заметно поморщился. – Он захотел пожить самостоятельно. Кстати, на счет черной горы он прав. Я запрещаю тебе туда лазить.

– Но... – испуганно начала Веста, однако договорить ей Норлан не дал.

– Все! Это не обсуждается! Ни мой приказ, ни уход Гранда. Иди накрывай на стол!

Покорно кивнув, Веста молча скользнула вглубь пещеры.

Норлан повернулся к северянке, стоящей рядом:

– Пока Веста накрывает на стол, может, познакомишься с моим вторым сыном?

– Не откажусь, – она мило улыбнулась.

Они вошли внутрь и, пройдя по извилистому коридору, остановились у одной из дверей. Норлан постучал, и дверь тут же распахнулась. На пороге стоял высокий и немного худощавый юноша с каштановыми волосами до плеч. Его тонкие губы тут же тронула легкая улыбка, и он склонил голову:

– Рад приветствовать тебя, отец. Что привело тебя ко мне?

Он разительно отличался от брата не только внешне, но и манерами.

– Шон, хочу познакомить тебя с моей гостьей, – Норлан чуть посторонился. – Прошу любить и жаловать: Лада. Она поживет у нас некоторое время, и мне очень бы хотелось, чтобы ты постарался сделать ее пребывание здесь максимально приятным и комфортным для нее.

– Я приложу максимум усилий, отец, – кивнул юноша и, повернувшись к гостье, с поклоном взял ее руку и коснулся губами: – Мне очень приятно, милая Лада, что Вы почтили своим присутствием нашу скромную обитель. Если Вам что-то потребуется, я всегда к Вашим услугам.

– Я учту, Шон, спасибо, – она с улыбкой кивнула.

После обеда под предлогом того, что его ждет незавершенная рукопись, Норлан ушел в свой кабинет, оставив гостью в обществе Шона. Набросив на вход магическое заклятье, он разложил на столе карту, долго изучал и водил над ней рукой. Потом убрал ее и, достав из ящика стола бархатный мешочек, подаренный гостьей, открыл арку перемещений и шагнул в нее.

Магический переход переместил его на песчаную отмель небольшого островка, посреди океана штормов. Внимательно осмотревшись, Норлан взмахнул рукой, и на песчаном берегу пролегла глубокая борозда, идущая из воды к невысоким прибрежным кустам, рядом с которыми появился потемневший от воды деревянный сундук с металлическими заклепками и чуть погнутой снизу изрядно проржавевшей окантовкой. На его крышке красовался большой навесной замок.

Невесомо, не оставляя ни единого следа, Норлан прошелся вдоль борозды и достав из мешочка разбросал драгоценные камни. Потом подошел к водной глади и опустил сжатую в кулак руку. Подержал ее так немного, а потом резко разжав, послал в глубину океана импульс, который должен был привлечь ту, для которой он подготовил столь изысканную ловушку.

Вынув из воды руку, Норлан постоял некоторое время на берегу, а потом отошел вглубь островка и скрылся в густых зарослях деревьев.

Через несколько часов к берегу подплыла красивая девушка с голубоватыми волосами. Из одежды на ней был лишь широкий кожаный пояс, украшенный большими серебряными вставками с изысканной позолоченной чеканкой. Вынырнув из воды, она замерла на некоторое время у борозды, долго на нее смотрела, а потом, заметив блеснувший на берегу бриллиант, вышла из воды, опасливо оглянулась и, схватив драгоценный камень, вновь нырнула в воду.

Сделав небольшой круг недалеко от берега, она вновь подплыла ближе к следу сундука на песке и принялась его внимательно разглядывать. Ее старания увенчались еще одним найденным бриллиантом, схватив который, она, как и в предыдущий раз, быстро нырнула в воду. Однако видя, что ее никто не преследует, жительница океана осмелела и вышла снова, рассматривая борозду уже чуть дальше от кромки воды. Лучи солнца мерцали на ее матово-белой коже, освещая гибкий мускулистый стан с великолепными формами. Низко склонившись, так что ее длинные волосы спадали до самого песка, она медленно шла вдоль следа. Столь усердные поиски были вознаграждены находкой сначала рубина, а потом еще двух, которые она сложила в кармашек на своем поясе. Радостно улыбаясь, окончательно осмелевшая обитательница глубин подошла к сундуку и стала внимательно его разглядывать. Потом заметив, что верхняя скоба, удерживающая замок, слегка погнута и отошла от основания, дернула вверх крышку. Скоба затрещала, но не поддалась. Она дернула сильнее, и крышка распахнулась. Сундук оказался внутри пустым. Разочарованно вздохнув, девушка хотела повернуться, но чьи-то сильные руки сзади схватили ее и запихнули в сундук. Она успела лишь испуганно вскрикнуть, и крышка сундука захлопнулась над ней.

– До чего ж бестолковые эти сирены. Каждый раз ловятся на один и тот же трюк, – Норлан презрительно хмыкнул и взмахом руки переправил сундук в открытую им арку перехода.

Выгрузив сундук в уединенной пещере с массивными решетками на входе, Норлан постучал по его крышке:

– Слышь, красавица, сундук с односторонней проводимостью звука, так что кончай голосить, бесполезно это. Лучше успокойся и внимательно слушай. Дважды повторять не буду.

Поняв по исчезновению колебаний стенок сундука, что пленница внутри замерла, он продолжил:

– Мы в таком месте, откуда самой тебе не выбраться. До берега океана отсюда минимум неделя пути, поэтому постарайся вести себя покорно и учтиво. Возможно, тогда я помогу тебе вернуться в твою родную стихию, до того как ты сдохнешь от обезвоживания. Кстати, изъясняться тебе придется знаками, потому что слышать твой голос я не желаю. И если только посмеешь при мне раскрыть рот, сильно об этом пожалеешь.

Норлан поправил затычки в ушах и распахнул крышку сундука.

Осторожно выбравшись оттуда, девушка опустилась на колени у его ног. Потом трясущимися руками расстегнула пояс и, вытряхнув из него на пол кучку драгоценностей, среди которых были и недавно найденные ею, подвинула к нему. После чего, умоляюще прижав руки к груди, со слезами на глазах просительно взглянула на него. Рта она не раскрыла ни разу, из чего Норлан сделал вывод, что ему попалась очень сообразительная и покладистая сирена.

– Пояс дай! – он властно протянул руку.

В глазах сирены полыхнуло отчаяние и, прижав к себе свой пояс, она интенсивно замотала головой.

– Дай, сказал! Быстро! – Норлан повысил голос.

И сирена, испуганно сжавшись, дрожащей правой рукой протянула ему пояс. По щекам ее текли слезы, а лицо исказилось от сдерживаемых рыданий. Левую руку она прижала к губам, страшась проронить хоть звук.

Норлан знал, что пояс сирены определяет ее статус в обществе. Чем более изысканный и дорогой она покупает, тем выше поднимается по иерархической лестнице. Именно поэтому все сирены так падки на золото и драгоценности.

– Не рыдай. Будешь покорна и послушна, отдам его тебе.

Судорожно сглотнув, она часто-часто закивала, показывая, что готова повиноваться.

Черный дракон с коричнево-красной каймой на крыльях лежал на каменном выступе и грелся в лучах заходящего солнца, когда услышал тихий нежный голос. Он был столь сладостным и манящим, что не в силах сдерживаться, дракон поднялся и полетел в сторону, откуда он звучал.

На травянистом склоне сидела очень красивая девушка, одетая в полупрозрачное, расшитое серебром светло-лиловое платье и, расчесывая длинные серебристо-голубые волосы, пела.

Приземлившись неподалеку, дракон обернулся крепко-сбитым черноволосым юношей и, не сводя с красавицы зачарованного взгляда, подошел к ней и осторожно тронул за плечо. Девушка с улыбкой взглянула на него и, не переставая петь и не сводя с него колдовского взгляда, взяла за руку и повлекла за собой.

Гранд не сопротивлялся. Едва услышав столь чарующие звуки, его сознание погрузилось в туманную негу, и он уже не отдавал отчет в своих действиях.

А красавица тем временем, завлекла его в глубокую расщелину в горе, а потом долго водила по сумрачным туннелям, пока они, наконец, не добрались до тупика, заканчивающегося маленькой подземной залой. Остановившись в ее центре, она порывисто прильнула к Гранду и начала сдергивать с него одежду, а потом впилась в губы долгим страстным поцелуем. Почувствовав необычайное возбуждение, Гранд в свою очередь пылко обнял ее стройный стан и, повалив на пол, стал стаскивать и срывать с нее тонкую материю платья. Все дальнейшее превратилось для него в яркую и густонасыщенную красками вспышку чувств и эмоций.

Когда же он утомлено замер на полу, красавица тихо прошептала: «Подожди» и, быстро поднявшись, легкой тенью скользнула в коридор. Там она дернула какой-то рычаг, и в то же мгновение с сильным скрежещущим грохотом выход из залы заблокировала мощная металлическая решетка.

Гранд резко вскочил:

– Эй! Ты что это делаешь?

Но красавица, ничего не отвечая и не оборачиваясь, почти бегом скрылась в темноте лабиринта подземных коридоров.

– Стой! – крикнул ей вслед Гранд, но ответом ему был лишь затихающий звук ее быстро удаляющихся шагов.

Поморщившись, он вскинул руку, направив поток магии на решетку, и к своему несказанному удивлению обнаружил, что его магия здесь не действует. Подошел, подергал решетку, но та даже не колыхнулась.

Он принял облик дракона, и оказался зажат в маленьком пространстве, не имея возможности даже шевельнуться. Гранд напряг все мышцы, пытаясь выдавить решетку, но та не поддавалась. И даже магия дракона не смогла поколебать ее и не подействовала на рычаг в коридоре. Поняв, что попал в западню, он сбросил облик дракона и в изнеможении опустился на пол, размышляя, насколько глупо попался. Надо было решать что делать. То ли звать отца, то ли ждать неизвестного ловца. В любом случае его самостоятельная жизнь закончилась, даже не успев начаться.

Норлан сидел на камне, неподалеку от расщелины, служащей входом в его подземный лабиринт и ждал сирену. Она явно не торопилась, а когда вышла, то по разорванному платью и возбужденно блестящим глазам ему стало понятно, что она не только заманила Гранда в ловушку, но и славно развлеклась с ним.

Увидев его, она поспешно приблизилась и опустилась на колени, молитвенно сложив руки и заискивающе заглядывая в глаза.

Он протянул ей ее пояс, и она тут же выхватила его и, резким движением сорвав с себя остатки платья, торопливо надела, после чего благодарно прижалась губами к его руке.

Усмехнувшись, Норлан достал те драгоценности, что она нашла не в его ловушке, и вложил в ее руку.

Не смея поверить в то, что маг отдает ей столь дорогие ее сердцу сокровища, она застыла, растерянно хлопая глазами.

– Забирай, забирай, – он едва заметно кивнул, – я сегодня добрый.

Ее лицо озарила радостная улыбка, и она стала спешно рассовывать по кармашкам своего пояса вновь обретенное богатство. А потом опять приникла к руке Норлана, заглядывая в глаза, причем в ее взгляде больше не было страха, напротив, в нем появилась игривость, и он стал откровенно манящим.

Норлан нахмурился и отрицательно качнул головой, и сирена тут же потупилась, ожидая его дальнейших действий.

Взмахом руки он открыл арку переходов и кивнул ей: – Иди, можешь быть свободна.

Поднявшись с колен, она низко поклонилась, прижав руку к сердцу, что должно было свидетельствовать о ее несказанной благодарности, и шагнула в арку.

Вернувшись через магический переход в свой кабинет, Норлан убрал мешочек с драгоценностями в ящик стола, подумав, что в ближайшее время надо будет, как и обещал, сделать из них Весте кольцо. После чего, сняв магическое заклятье с двери, направился в гостиную, чтобы посмотреть, чем в его отсутствие занимается северянка.

Шон и Лада сидели друг напротив друга за разложенной на столе магической доской и, весело смеясь, играли в фанты.

По доске ползали деревянные жуки, а в воздухе порхали разноцветные бумажные бабочки.

– Заставь вон ту синенькую перевернуть черного жука, – Лада, указала рукой на порхающую бабочку.

– Ты издеваешься? Нет, ну ты точно издеваешься. Он же на пятой позиции, мне не дотянуться до него. А у нее лишь второй уровень воздействия. Все. Считай, твоя взяла, – Шон со смехом развел руками.

– Не спеши сдаваться, ты можешь воздействовать опосредованно. Смотри, если переотражаешь воздействие от второй позиции на четвертую и удерживаешь, а с шестой его подтолкнет твоя бабочка, которая хоть уровень и потеряет, но направление правильное задаст, то он даже от одного уровня перевернется.

– Лада, переотразить и удержать... ты задаешь непосильные задачи...

– Пробуй, пробуй, я в параллель поддержку и помогу блок зафиксировать. У тебя обязательно получится.

– Ты за кого играешь за меня или себя?

– Какая разница? Главное весело! Давай переворачивай!

Увлеченные игрой, они не обращали ни малейшего внимания на Норлана. И он, замерев в дверях, стал с интересом наблюдать, как его гостя помогает сыну освоить достаточно сложный магический прием, который, как ему казалось, пока абсолютно недостижим для Шона.

– Ну вот видишь! Получилось же! – радостно воскликнула она, как только черный жук, смешно шевеля лапками в воздухе, опрокинулся на спину. – Теперь сам тоже самое с зеленым сделай!

– Лада, помилосердствуй, – Шон отер пот со лба. – Давай прервемся. Я сдаюсь.

– Не смей говорить такие слова! – в глазах гостя появилось жестокое и суровое выражение. – Сдается он видите ли... и только из-за того, что устал... Делай, я сказала! Ты можешь!

– Лада, это всего лишь игра...

– Для меня – да, а для тебя сейчас – нет. Делай! Иначе за проигрыш такое потребую, что пожалеешь и не раз. Делай, я сказала! – в ее голосе послышался такой напор, что Шон не стал больше спорить.

Нервно закусив губы, он вновь вытянул вперед руку и уже без помощи гостыи сам повторил трюк, после чего без сил откинулся на спинку стула:

– Довольна?

– Не то слово! Прекрасно, Шон! – ее лицо озарила искренняя лучезарная улыбка. – Ты молодец! Все, я сдаюсь и готова выполнить любой твой фант. Говори, что хочешь.

– Я не понял, Лада. Почему ты сдаешься? Ну перевернул я двух твоих жуков, но они же не последние у тебя.

– Потому что я уже получила удовольствие от игры, и в продолжение не вижу смысла, – не переставая улыбаться, пояснила она.

– Ты только что кричала мне: не смей сдаваться! А сама?

– Ты сдавался, не веря в свои силы, а я сдаюсь, потому что не сомневаюсь в своих. У нас разная мотивация, Шон.

– Ну тогда я поступлю, так же как и ты... я потребую то, что выполнить тебе будет непросто!

– Попытайся.

– Я хочу тебя поцеловать! – не сводя с нее пристального взгляда, заявил Шон.

– Ничего себе желание, – в глазах северянки на мгновение появилась растерянность, а потом она с лукавой усмешкой кивнула в сторону Норлана: – А ты уверен, что твой отец не станет возражать против такого фанта?

Шон резко обернулся, и щеки его моментально залила краска.

– А почему я собственно должен возражать? – тем временем бесстрастно повел плечами Норлан.

– Ты хочешь, чтобы я позволила это ему? – ошеломленно спросила она.

– Ты сама сдалась, и сдалась магу. Магам не присущ ни альтруизм, ни великодушие, имей в виду это на будущее.

– А то, что ты мне это говоришь, это не великодушие?

– Нет. Это попытка уберечь тебя от жестокого разочарования с вполне корыстными целями. Ты на редкость бесхитростна и, разочаровавшись, можешь, не задумываясь, сбежать отсюда. А мне бы не хотелось этого допустить.

В это время Шон поднялся из-за стола:

– Лада, извини. Это и впрямь было с моей стороны, по меньшей мере, бестактно. Ты научила меня новому приему, поддалась мне, а я вместо благодарности воспользовался ситуацией. Поэтому я отказываюсь от своего фанта. Еще раз извини.

– Ну уж нет! – в ее глазах загорелся лукавый огонек. – Пожелал, теперь не отвертишься, пока сполна не получишь!

Вместо нее моментально на столе появилась огромная уродливая жаба, мерзко хихикающая: – Иди, иди сюда и целуй!

– Лада, ты умеешь так перевоплощаться? – не веря своим глазам, пробормотал Шон.

– Умеет, она еще и не то умеет, – вместо нее с усмешкой ответил Норлан.

– Думаешь не поцелую? – справившись с изумлением, Шон решительно шагнул к жабе и, подхватив на руки, с нежной улыбкой коснулся губами ее лба. – Я ведь все равно знаю, что это ты, – после чего со словами: – Замечательно! Прямо как в сказке. Будем считать, что я расколдовал тебя, и ты можешь вновь превратиться в прекрасную принцессу, – осторожно посадил обратно на стол.

Заливисто хохоча, Лада вновь вернулась к своему прежнему облику:

– Шон, ты великолепен и явно сравнивал счет...

– Раз у вас дружеская ничья, то может, отметим это знаменательное событие праздничным ужином? – глядя на хохочущую Ладу, Норлан не мог сдержать ласковой улыбки. Ему несказанно импонировала эта необычайно могущественная и в то же время по-детски непосредственная, искренняя и доверчивая северная чародейка.

– Я не возражаю, – тут же согласилась она.

– А уж я тем более, – Шон не сводил с нее восхищенного взгляда.

Норлан понял, что сын подобно ему очарован их гостьей, которая как выяснилось, и как он интуитивно предполагал до этого, действительно может быть прекрасным учителем. Это было на редкость приятным стечением обстоятельств. Судьба явно благоволила его замыслам. Теперь Шон наверняка сам станет искать, как не отпустить и чем развлечь северянку, причем, скорее всего, не без пользы для собственных способностей. И до момента возвращения Гранда она вряд ли захочет покинуть их. А дальше он найдет способ привязать ее к мальчику, чего бы это ему не стоило.

Гранд уже больше недели сидел в подземной ловушке. Магия здесь не действовала, поэтому его мучили голод и жажда. Обессиленный от безрезультатных попыток выломать решетку или проломить стены он лежал ничком на полу, чувствуя как силы неумолимо оставляют его и пытался сообразить что делать дальше. Его план дожидаться неизвестного ловца и попытаться сразиться с ним не сработал. Хозяин ловушки или хотел дожидаться, чтобы он оказался при смерти и вовсе не имел сил сопротивляться или же его целью был даже не полон магов, а их уничтожение.

Ярость, бушевавшая в его душе, уже улеглась. Он пытался настроить себя на разговор с отцом. На то, что снесет и возможные насмешки, и сарказм... и примет его власть, пока вновь примет. Потому что другого способа выбраться отсюда видимо нет.

Тяжело вздохнув, он медленно встал и, прислонившись к решетке, передел с пальца на палец кольцо отца, приготовившись тут же его увидеть. Однако тот не появился. Гранд дождал некоторое время и вновь передел кольцо только теперь уже на другую руку. Однако отец не появился и тогда. И тут Гранда пронзила мысль, что пещера глушит любые магические колебания, включая самые низкоуровневые, на которых работала связь кольца. Он нервно сглотнул и, опустившись в изнеможении на пол, прислонился спиной к стене. На глаза навернулись злые слезы. Так бездарно закончить жизнь было верхом безрассудства и глупости. Ну ладно бы в сражении или от несчастного случая... а то вот так: медленно умирать от жажды и голода. Потом уткнулся головой в колени, обхватив их руками, и время остановилось для него.

Он не знал, сколько он так просидел, размышляя над собственной глупостью и над тем, насколько мучительной окажется подобная смерть, когда вдруг услышал рядом тихое:

– Ты хотел меня видеть?

Вздвогнув от неожиданности, Гранд вскинул голову и увидел в полумраке коридора Норлана.

– Отец, – он попытался резко подняться, но ноги не держали, и он ухватился за решетку чтобы не упасть. – Я очень хотел тебя видеть, отец...

– Понял, что пока ничего собой не представляешь и годишься лишь на роль раба более мудрого мага?

– Да, отец, – Гранд потупился, понимая, что это только начало унижения, через которое ему придется пройти. Однако в любом случае это было лучше, чем бесславно скончаться от жажды и голода в подземной ловушке.

Норлан, даже не приближаясь к нему, бросил через решетку к его ногам кабалит:

– Надевай!

Покорно опустившись на колени, Гранд подобрал кабалит. Это был неширокий кабалит из мягкой кожи с частыми и очень тонкими шипами, явно не новый, но очень мощный. Решительным движением надев его, Гранд рывком затянул и, от резкой боли потеряв сознание, повалился на пол.

Когда он очнулся, Норлан по-прежнему стоял вдали от решетки. Встав на колени, Гранд удивленно посмотрел на него:

– Я полностью в Вашей власти, отец. Вы позволите мне подойти и поцеловать руку?

– Позже, – холодно проронил в ответ тот, – сначала ты будешь наказан. И за недолжное поведение со мной, и за пререкания, и за собственную глупость и безрассудство. Марш в центр залы, на колени, руки за голову и трое суток так стоишь не шелохнувшись. Посмеешь ослушаться – стоять будешь дольше.

– Отец, я не смогу... – Гранд нервно облизнул губы, – позволь хотя бы воды выпить... Я не пил столько времени...

– Ты не пил лишь по собственной гордыне.

– Но сейчас я просто умираю от жажды.

– Ничего, окончательно не умрешь, а будешь перечить, и дольше без воды продержу.

– А не боишься, что пока я еле живой так стоять буду, сюда хозяин этой ловушки заявится?

– Не боюсь. Это моя ловушка.

– Твоя?! – Гранд поднялся с колен и посмотрел на него с нескрываемой злостью.

– Конечно моя. Неужели ты считал меня глупцом, способным отдать то, чему я посвятил почти четырнадцать лет жизни какому-нибудь проходимцу, соображающему чуть лучше тебя? Нет, мой дорогой! – Норлан шагнул ближе к решетке, его глаза метали молнии, а голос обрел мощь и зазвучал с необычайным напором: – Я никогда не бросал дела на полдороге! Поэтому ты или станешь тем, кого мне не стыдно будет назвать моим наследником или сдохнешь с моим кабалитом на шее. Я лучше самолично прикончу тебя, чем буду видеть, как ты по глупости разбазариваешь труд стольких лет моей жизни. Ясно тебе?

– Отец... – Гранд потрясенно смотрел на него, – отец...

– Что, отец? Я посвятил тебе свою жизнь, потому что ты был, самым дорогим, что у меня в ней осталось. И неужели ты думаешь, что я позволю тебе плюнуть на все это? Нет, я лучше сломаю сам, что создал, раз у меня не получилось то, к чему я стремился.

– А мои стремления, они что не учитываются? Ты считаешь меня игрушкой и местом вложения твоих сил и все?

– А какие у тебя стремления? Растранижить то, что я успел вложить в тебя и все? Так вот, на такие стремления мне откровенно плевать. Я показал тебе, к чему они приводят! К тому, что ты или сдохнешь, или наденешь чей-то кабалит! Так что пока у тебя не появится достойных стремлений, мне и дальше они будут глубоко безразличны. Я не ценю пустоцветы и привык выкорчевывать то, что не плодоносит.

– Силой будешь заставлять?

– А ты не ценишь доброго отношения. Я четырнадцать лет старался действовать убеждением, но ты перешел всякие границы, и как результат я вынужден изменить методы воспитания. Так что ты получаешь то, что заслужил, и не более. А теперь все! Мне надоели твои пререкания! Марш выполнять приказ, и хоть слово услышу, наказание ужесточу!

– Да я лучше сдохну, но не буду твоей марионеткой! – в глазах Гранда засверкали слезы, и он сжал кулаки.

– Уверен? – Норлана устремил на него мрачный и тяжелый взгляд. – Потому что если не уверен, а говоришь на эмоциях, то лучше язык свой прикуси и извинись.

Гранд впервые видел такой взгляд отца. Завораживающий, глушащий все эмоции и вызывающий откуда-то из глубин подсознания страх. Он нервно сглотнул и попытался отвести глаза, однако взгляд отца не отпускал, а напротив, проникал все глубже и глубже в сознание.

– Отпусти... отпусти, прошу, – хрипло выдохнул Гранд, чувствуя что начинает задыхаться и терять разум от наползающего страха. Он прошептал эти слова от безысходности, даже не веря, что отец отпустит, но тот тут же отвел взгляд и отвернулся. Постоял так некоторое время, а потом, медленно развернувшись, пошел прочь по коридору.

– Отец, стой! Извини! Я все исполню и приму любое наказание, только не уходи! – Гранд, шагнув к решетке, вцепился в нее.

Норлан обернулся:

– Передумал и уже готов скакать как моя марионетка?

– Да, отец. Передумал и готов скакать как твоя марионетка, – кивнул Гранд, напряженно всматриваясь в его лицо.

– С чего это вдруг?

– Почувствовал, что ты разочаровался во мне, и испугался, что ты сейчас совсем уйдешь и больше уже не вернешься. Решил попытаться все исправить... Попытаться стать таким, чтобы ты мог гордиться, а не желал схоронить в неизвестности в подземной пещере...

– Разумное решение, – Норлан медленно пошел в обратном направлении. – А я уже и не ожидал подобного.

– Но я уж не совсем непроходимо туп... Вспыльчив, невыдержан, даже глуп – не спору, но не до такой степени, чтобы не понять.

– И что ты понял?

– Что ты любишь... правда не меня, а исключительно свои ожидания во мне... и ты настолько их любишь, что не задумываясь уничтожишь меня, если я не буду им соответствовать... Поэтому я постараюсь... постараюсь им соответствовать... Ведь иначе у меня даже шанса выжить нет.

– А ты считаешь, можно любить никчемного прожигателя жизни?

– Мать вон меня наверняка любим любит, – губы Гранда тронула легкая усмешка.

– И чем ты платишь ей в ответ? Может, такой же любовью? Или ироничной терпимостью и внутренним пренебрежением, потому что она так и не смогла стать магом? Не смогла воспользоваться тем, что ей было даровано природой, потому что пошла по пути, который до сих пор так стремился выбрать ты. По пути потакания собственным слабостям и желаниям. Вот скажи, только откровенно: ты уважаешь и любишь ее?

– Ну уважаю вряд ли... а вот любить, наверное, люблю... – опустив глаза, задумчиво пробормотал Гранд.

– И в чем эта любовь, позволь узнать, проявляется? Ты бросишь все и будешь сидеть рядом с ее постелью, если она будет в том нуждаться? Или, может, пожертвуешь ради нее чем-то? Где она твоя любовь? Вот лично я ее не наблюдал. Тебя раздражали даже ее элементарные просьбы. Ты сам не любишь никого.

Гранд угрюмо молчал.

– Не подумай, я не против такого, – продолжил Норлан. – Чувство любви магу лишь мешает и осложняет жизнь. Так что не заморачивайся по этому поводу. Только и от других любви не жди и не чувствуй себя уязвленным, что ее нет. Это абсолютно нормально. Тебя по жизни должны вести не любовь и чувства, а разум. Надеюсь, на примере с очаровательной сиреной ты уже понял, к чему приводит потакание чувствам.

– Да, это был хороший урок. Больше в жизни с сиренами связываться не стану.

– Ты неправильно его усвоил. Нельзя потакать своим чувствам только в том случае, если не основываешь их на разуме. Действуй ты разумно, и красotka эта могла оказаться в твоём вечном пользовании, причем абсолютно без всяких для тебя негативных последствий. Надо

лишь обладать знаниями и сначала думать, а только потом делать. Но ничего, у тебя еще будет время всему этому научиться. А сейчас марш выполнять приказ!

– Да, отец, – Гранд покорно склонился перед ним, а потом шагнул в центр зала.

В один из дней Норлан позвал Ладу к себе в кабинет.

– Что-то случилось? – озабоченно взглянула она на него, входя и садясь в предложенное кресло.

– Нам надо поговорить, – он тоже сел и набросил магический занавес, а потом с легкой улыбкой заглянул ей в глаза: – Вернулся Гранд, и я бы хотел обсудить с тобой условия на которых ты согласишься его учить.

– Он вернулся потому что влип в неприятности, как ты и говорил?

– Именно, – Норлан кивнул.

– Странно, – северянка задумчиво отвела взгляд. – Мне показалось, что он из гордости не вернется и до последнего тебя о помощи не попросит, а будет искать другие варианты. Выходит, я ошиблась. Он оказался более разумным. Что ж это неплохо, хотя если честно, не верилось мне, что все-таки придется его учить. Ну да ладно. Чему конкретно хочешь, чтобы я его научила?

– Всему, Лада. Всему, что умеешь сама.

– Это невозможно, – она нервно рассмеялась. – Ты хочешь невозможное, Норлан. Я сама до конца не знаю, что я умею, и как я этим овладела... всплывает, конечно порой процесс... – ее пальцы стали нервно постукивать по ручке кресла, – но в любом случае это невозможно, Норлан. К тому же ты сам говорил: все маги беспринципны. А судя по тому, как он себя тогда вел даже с тобой, он еще и неблагодарен по жизни. Вот обучу я его всему, а он в награду за это открутит мне голову или пленит... Нет уж. Чему-то конкретному обучить могу, а вот так, даже не проси.

– Лада, ты противоречишь сама себе. Ты говорила, что причинить тебе вред или пленить тебя невозможно. Так?

– Ну так... пока так, – она недовольно поморщилась.

– Тогда в чем проблема? Попробует хоть что-то предпринять против тебя, сама открутишь ему голову. Хотя я даже среди магов не слышал ни разу истории, чтобы ученик поднял руку на учителя. Конечно, может, и бывали такие ученики, кто пытался, но им тут же как раз головы-то и откручивали... и как результат ни один ученик, превзошедший своего учителя, такое сделать не дерзнул.

– Норлан, я не хочу его заставлять! Понимаешь? Не хочу! И голову ему откручивать не хочу. Овладеть тем, чем владею я, похоже, безумно трудно, надо стать подобным мне... научиться чувствовать свое тело и уметь через него переступить. Это сложно, Норлан. Очень сложно! У меня это происходит уже на автомате, я не знаю, как учили меня и не представляю, как можно заставить мальчишку делать такое. Не знаю! И не буду! – ее голос сорвался на крик. – Ясно тебе? Хотя бы потому, что не уверена в результате. Я могу сломать его и все. Он ничего не добьется, и я только искалечу ему жизнь. Все! Это даже не обсуждается!

Норлан смотрел на нее и не верил своим глазам. Внутренние устои и характер северянки были как будто списаны с его Лаоны. Та точно так же орала, когда они с Магротом заставляли ее взять на обучение учеников. Он потряс головой, пытаясь отогнать навязчивые ассоциации, а потом ему неожиданно пришла в голову мысль попробовать сыграть на этой аналогии и использовать уже найденное когда-то решение.

Он устремил на нее спокойный взгляд и едва слышно произнес:

– Ты вынуждаешь меня убить его.

– Что?! – она в ярости вскочила с кресла и шагнула к нему.

– Мой сын сильнее меня, но сейчас на нем мой кабалит. И если ты не возьмешься учить его, я сверну кабалит.

– Ты сошел с ума? – не сводя пристального взгляда, она нависла над ним.

– Нет. Хотя, если тебе легче, считай, что причина не в тебе, а во мне, – он равнодушно повел плечом.

– Почему ты связываешь мой отказ его учить с его убийством?

– Я уже сказал, он сильнее меня и всему, чему мог, я его научил. Но это не дало ему почти ничего. Он чувствует заложенный в нем потенциал, который бурлит и рвется наружу. Тебя привела ко мне сама судьба. Только ты способна обуздать его нрав и направить его возможности в правильное русло. Он должен научиться владеть тем, чем обладает, и властвовать и над собственным телом, и над собственным разумом. Если ты не поможешь мне сделать из него мага, контролирующего все свои действия и поступки, то у меня другого выхода просто не будет как убить его, ну или держать все время на цепи, что на мой взгляд еще отвратительнее. Заметь, я не прошу тебя учить Шона, потому что знаю, он без этого обойдется, а вот Гранд – нет. Он без тебя пропадет, Лада. Только ты способна превратить его в того, с кого я, не задумываясь, сниму свой кабалит... Я ясно объяснил?

Она нервно сглотнула и отвела взгляд, пробормотав:

– Кстати, Шона учила бы с большим удовольствием, но у него и так уже потолок, дальше некуда... если только немного отточить мастерство...

– Лада, не надо уходить от вопроса. Мы говорим не о Шоне.

– Я знаю... и обдумываю сложившуюся ситуацию... – она вновь вернулась к креслу и, сев, начала вертеть в руках взятый с его стола карандаш.

Норлан отвел взгляд, эта привычка тоже напоминала ему Къяру. Он постарался абстрагироваться и стал медленно про себя считать. Когда он дошел до «две тысячи пятьсот сорок восьми», то услышал удивленный вопрос северянки:

– Ты что делаешь?

– Считаю, – не стал лукавить Норлан.

– Что считаешь?

– Ничего. Просто считаю.

– Зачем?

– Трудно ждать спокойно, когда кто-то решает судьбу твоего сына. Счет успокаивает.

– Можешь не считать дальше, я все решила, – она легко поднялась с кресла и вновь шагнула к нему.

– Я весь во внимании, – Норлан откинулся на спинку и устремил на нее спокойный взгляд.

– Скажу сразу – я согласна учить твоего сына, но с одним условием. Он сам должен этого захотеть. Я с самого начала говорила, что насильно заставляя и удерживать не буду. Захочет терпеть все мои требования, сносить все наказания и безропотно все выполнять, не задавая никаких вопросов, не спрашивая: почему требую то или иное, буду учить. Не захочет, что ж, вольному – воля, поступи с ним, как сам считаешь нужным.

– Справедливое требование. А как может быть иначе? Где ты видела учителя, объясняющего необходимость того или иного задания?

– Я не видела никаких учителей... я, к твоему сведению, вообще не помню и не знаю как учат... А ты меня заставляешь учить, – Лада нервно сглотнула. – Я вот исключительно ради тебя согласилась... мне... мне... – она отвернулась и отойдя в угол кабинета едва слышно закончила: – мне нравится тут у тебя... и с тобой мне легко, будто всю жизнь тебя знала. Даже, несмотря на то, что заставляешь меня поступить вопреки моему желанию. Я ведь знаешь, почему упорствовала? Я сына твоего боюсь убить... – обернувшись, она уперлась в него взглядом: – Понимаешь?

– Поэтому и сказал, что убью его сам, чтобы ты не боялась, – он с улыбкой встал и, шагнув к ней, ласково обнял за плечи: – Не бойся, девочка, у тебя все получится.

Она доверчиво прильнула в ответ, и на Норлана накатила такая невообразимо мощная волна желания, что он еле сдержался, чтобы не сжать ее крепче и прямо здесь не повалить на пол и, сорвав и смешную узорчатую душегрейку, и платье, начать страстно ласкать, как некогда ласкал Къяру. Однако он сумел подавить бушевавшие в душе чувства и, осторожно отстранившись, ласково спросил:

– Ты чая выпить не хочешь?

– Нет, – она нервно закусила губы, – мне лучше сейчас уйти.

– Почему?

– Мы оба знаем ответ. Я слишком поздно встретила тебя... – в ее глазах блеснули слезы, и она, резким взмахом руки сбросив его занавес, стремительно выбежала из кабинета.

Норлан не стал ее удерживать, поняв, что она почувствовала, что он не в силах переступить грань в отношениях с ней.

На следующий день он вернулся с Грандом и повел его в комнаты Лады. Тот уже знал, что от него ждут и как только вошел сразу опустился перед ней на колени:

– Я полностью в Вашей власти, учитель.

– Отец сказал тебе, что объяснять для чего требую то или иное не буду и пререканий никаких не потерплю? – смерила его холодным взглядом та.

– Да, – он кивнул.

– И ты готов сносить все это по своей воле? Ты действительно хочешь у меня учиться?

– Да, учитель, – Гранд вновь кивнул.

Лада повернулась к Норлану:

– Хорошо, я беру его в ученики, – потом махнула рукой Гранду: – Вставай! – и пристально оглядела его: – Норлан, где он был, что в таком виде? Похудел, осунулся... прям кожа да кости...

– Как где? По уши в неприятностях, как я и предрекал. Ничего, под твоим надзором, я думаю, он сумеет быстро восстановиться.

– Я что-то не поняла... Так ты хочешь, чтобы я ухаживала за ним и кормила или все же учила?

– Конечно же, учила. Просто подумалось, что в еде ты вряд ли станешь его ограничивать. Хотя дело твое, – Норлан развел руками. – Не имею привычки вмешиваться в чужой процесс обучения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.